

Семейный калейдоскоп

Семейный калейдоскоп

*Селенный
калейдоскоп*

г. Горно-Алтайск, 2024 г.

**Семейный калейдоскоп. — г. Горно-Алтайск, 2024 —
208 стр.**

Предисловие

Семья... Так много сказано мудрых слов, написано множество романов и саг, снято огромное количество фильмов на семейную тему. Так сложно что-то добавить к этому.

Мне кажется, что семья – это отдельная галактика со своими законами, центростремительными и центробежными силами, своими уникальными историями возникновения и существования во времени. Но глубинные механизмы всё-таки имеют общие космические основы. Изначально встречаются два сердца, возникает термоядерная реакция любви, зажигается сверхновая двойная звезда – центр галактики. Её энергии хватает на рождение новых звёзд и созвездий. Дальше идёт цепная реакция – возникают всё новые сверхзвёзды и новые галактики. Всем этим бесконечным процессом управляет энергия любви, добра и сострадания.

Наша книга – скромный вклад в поэзию и прозу семейных историй. Приглашаю взглянуться в яркие, забавные, грустные, поучительные картинки «Семейного калейдоскопа».

*Валерия Тюхтенева, член Петровской академии наук и искусств.
Майминское литературное объединение «ЛиРа»*

Татьяна Чанчибаева

Моя семья – моя святыня!

Моя семья – моя святыня!
Она мне перешла в наследство.
Моя незыблемая сила,
Теплом пронизанная с детства.
В ней доброты на всех хватало,
Любви, терпения, заботы.
И я с младенчества впитала
Традиций праведные ноты.
Тобой, семья, гордиться смею,
На весь подаренный мне век,
За то, что выслала аллею
К ступени высшей – Человек.

В покосившейся избушке на окраине села
Худо-бедно проживала многодетная семья.
Пил отец, а мать болела и не связывалась с ним –
В пьяной злобе, с кулаками, он во всём её винил:
Что детишек нарожала, что стара не по годам,
На столе закуски мало, да в обносках ходит сам.
Старший сын за мать вступался, да куда ему – пацан,
У заступника малого шрам остался в пол-лица.
Не успев увидеть детство, рос мальчишка весь в трудах
И душою мог согреться лишь у бабушки в гостях.
Та жила неподалёку и спасала сколько раз.
– И с какого это боку взялся ирод-то на нас?!
Дочь мою поизувечил вечной пьянкою своей.
Есть же Бог на этом свете, пожалел бы хоть детей!
Грех возьму я на сердечко: на последние гроши
За покой поставлю свечку его иродской души.
Нет, не стану, ведь расплата будет шибко велика:
Не меня, так вас, внучата, тронет Божия рука.
Ладно, хватит мне ворчать-то, потерпи ещё, Колёк,
За невзгодами и счастье к нам заглянет хоть разок.
Только ты в своём сердечке злобы лютой не таи.
А беда – она не вечна, отойдёт, наступят дни!
Пирог пекла сегодня, ты поешь, возьми домой.
Я ведь знаю, что голодный, не стесняйся, мой родной.
Брюки деда перешила к сентябрю тебе как раз.
Видишь, бабка не забыла, что ты нынче в пятый класс.

Колька шёл домой счастливый, в новых брюках без заплат.
Только сердце защемило – люди у ворот стоят.
Ничего не понимая, мальчик в дом зашёл, а там
Пьян отец, не дышит мама, дети плачут по углам.
Не одно приходит горе... Вслед за дочерью родной
Умерла бабуля вскоре, вечный обретя покой.
И вокруг осиротело, детям некого обнять.
Колька всё по дому делал, как его учила мать:
Штопал братикам штанишки и стирал в тазу, как мог,
На ночь всем читал он книжки, даже хлеб в печурке пёк.
Время шло, росли сиротки, Колька им опорой был,
А отца с проклятой водки во хмелю припадок бил.
Горько каялся, божился пьянке положить конец,
И действительно добился – перестал гулять отец.
Колька сразу после школы в медицинский поступил
И, учёбой окрылённый, он одним из первых был.
Подрабатывал на складе и стипендию берёг,
Чтобы из сестёр и братьев каждый выучиться мог.
Как отец гордился Колькой, благодарен был ему –
В детстве парень вынес столько, что не в силах одному.
Никому не жалобился, не высказывал упрёк,
В жизни многого добился и семью свою сберёг!

Валерия Тюхтенева

Была дорога коротка

Худое строгое лицо,
В нём нет фальшивого притворства,
Есть точность тонкого ума,
Есть простота и благородство.

Была дорога коротка,
Та, по которой шли мы вместе.
Я думала – ей нет конца,
И жить нам долго, лет так двести.

А ты пытался жизнь вместить
В судьбою данные мгновенья –
Читал все ночи напролёт,
Работал до изнеможенья.

Заботился, страдал, любил,
Жил так пронзительно и ёмко...
Пройдя войну, ты заплатил
С лихвой за всё бедою горькой.

Худое строгое лицо –
Мой суд, суд чести, благородства.
Всегда горжусь своим отцом.
Всегда ищу с ним сходства.

Крестьянская Мадонна

Бабушка Маланья – крестьянская Мадонна.
Косы тёмно-русые собраны в корону.
Лаской переполнены карих глаз озёра,
Будто бы не помнили вдовьих слёз и горя.

Доброта безмерная – бабушка Маланья.
Кроткое терпенье – в ответ на все страдания,
Только б тем, кто рядом, бед не замечалось,
Гнулась, как тростиночка, гнулась – не ломалась.

Бабушка Маланья – крестьянская Мадонна.
В каторжной работе натружены ладони.
Годы, были-не были, в счастье не сложились.
Истово о счастье за других молилась.

Индийское бабье лето

Возвращалось стадо с лугов,
 степенно коровушки плыли
В ореоле, достойном богов,
 из закатного солнца и пыли.
А ватага босой ребятни
 да хозяйки в цветастых платьях
Выходили встречать за плетни
 красавиц своих ненаглядных.
И звучали клички коров,
 и призывно в ответ те мычали....
Возвращается стадо из снов,
 снов о детстве с оттенком печали.

В моей душе, где-то глубоко-глубоко хранится янтарная капелька последнего дошкольного бабьего лета. В те далёкие, доинтернетовские времена деревенское детство давало полную свободу в познании бесконечного волшебного мира методом набивания собственных шишек.

На самом деле, наш «бесконечный волшебный мир» умещался на двух усадьбах – на Вовкиной и моей. Вовка – друг детства, сосед и двоюродный брат по совместительству. Когда взрослые уходили на работу, мы становились практически полными хозяевами двух домов с таинственными чердаками и тёмными подвалами, трёх огромных тополей, длинных

лабиринтов сараев и бесконечного огорода с берёзовой рощей в самом конце. Конечно, за нами приглядывала, вернее, была нашим ангелом-хранителем бабушка Маланья. Красивее и добрее бабушки я не встречала в своей жизни. Эта была красота, которая не ослепляет, не кричит о себе и не ищет повсюду только своего отражения. Великолепные волнистые волосы, бархатистые карие глаза. Все невзгоды, подлость, предательства эпохи революций и войн разбивались о мудрость и великую доброту бабушки Маланьи. А нам, внукам, было очень важно, что бабушка снисходительно относилась к нашим детским шалостям, кормила вкусной выпечкой, обрабатывала зелёнкой содранные коленки.

В то незабываемое бабье лето мы с Вовкой решили перевоплотиться в индейцев. Ждали удобного момента, чтобы посвятить родственников в наши планы. Как нельзя кстати родители объявили, что в ближайшие выходные будет субботник по уборке картошки. Да, это тот самый удобный момент, когда все родственники будут в сборе, а картофельное поле – прекрасная декорация к нашему дебюту. Для убедительности мы нанесли акварелью боевую раскраску на свои мордашки, а на головах соорудили что-то напоминающее ирокезы.

Неожиданное появление на огороде двух белокурых и голубоглазых индейцев вызвало неоднозначную реакцию в стане взрослых. Возникло подозрение в несерьёзности наших намерений. Лишь мой папа адекватно оценил обстановку. Он попривет-

ствовал представителей дружественного индейского народа, поинтересовался из какого мы племени. Был искренне огорчён, что у племени нет названия и, как математик, нашёл выход из ситуации. Мы стали представителями племени «Х». Папа пояснил скептически настроенным родственникам, что картофель исконно индейский овощ, и товарищи из племени «Х» сейчас продемонстрируют, как надо убирать урожай. Вдохновлённые такой встречей мы с усиленным рвением принялись рыть землю в поисках истинно индейского овоща.

День был по-летнему тёплым. Над нашими головами круто выгнулся купол яркого неба. В упругом пространстве планировали отважные паучки на серебристых паутинках, кружились берёзовые листья. Казалось, что время остановилось, попав под небесный колпак. Первым не выдержало солнце, смущаясь, оно стало незаметно отклоняться к западу, окрасив край неба стыдливым румянцем. День шёл к концу, силы и решимость таяли на глазах. Родители, пережившие голодное детство и юность, предпочитали иметь внушительные запасы в погребах. Поэтому картофельное поле казалось таким бесконечным, а финальное золото берёзовой рощи – недостижимым.

Нужно было срочно готовить пути к отступлению. Произведя рекогносцировку на местности, решили покинуть огород по-индейски незаметно, через заросли репейника. План сработал идеально, кроме одного «но» – урожайным этот год был не

только на картошку, но и на репы. Наши растрёпанные ирокезы были щедро облеплены ими. Вовке было проще, а мои косы пострадали основательно – репы можно было удалить только вместе с прядями волос. На самом деле, всё это казалось нам такой мелочью по сравнению с пьянящим чувством свободы, охватившим нас.

Мы выбежали на поляну возле дома. В деревню с пастбища возвращалось стадо коров, оставляя за собой длинный шлейф золотистой пыли. В том, что шлейф состоял не только из пыли, мы убедились буквально через несколько минут. Эмоции свободолюбивых индейцев требовали срочного выплеска. Вовка, вскочив на деревянные качели, стал быстро набирать высоту. В это время во дворе появился отец. Чтобы не быть обнаруженным, Вовка резко присел и, соскользнув с качелей, упал лицом во что-то мягкое и тёплое. Это было реальное доказательство, недавнего возвращения стада с пастбища. С одной стороны, оно уберегло лицо от царапин и синяков, с другой стороны, мне пришлось долго вытирать лопухом и умывать дождевой водой из бочки Вовкину мордашку.

Наступивший вечер заплетал в синеву кудрей жемчужины первых звёзд. Таинственные птицы неслышно появлялись из темноты, казалось, ещё чуть-чуть, и они коснутся крыльями лица. Туманная прохлада текла из леса. Зажигался свет в окнах, призывая всех домочадцев в обжитой круг семейного тепла. Два индейца из племени «Х» разбежались по

родным вигвамам, преследуемые запахом щедрого коровьего подарка и ощущения, что день был прожит не зря.

В обязанности настоящих индейцев, по-нашему с Вовкой искреннему убеждению, входила объездка диких мустангов на бесконечных просторах прерий. На роль мустанга идеально подходил козёл Кешка – тёти Онина гордость. Кешку держали в открытом загоне, отдельно от остального населения двора. Несколько дней подряд, пока тетя Оня была на работе, мы с Вовкой навещали потенциального мустанга Кешку, изучая его привычки и вкусы. Кешка при виде нас разгонялся и со страшной силой таранил рогами деревянный забор. Затем милостиво разрешал кормить себя хлебными корочками. С исчезновением корочек тряс бородой и утрачивал к нам интерес. Рабочая неделя подходила к концу, нужно было срочно принимать решение. Вечером на экстренном совещании в полутьме чердака был разработан и единогласно принят секретный план под кодовым названием «Мустанг». Основная миссия по объездке досталась Вовке. Мне отводилась второстепенная роль – отвлекающего внимание. За ужином я незаметно собрала все хлебные корки, кусочки сахара, спрятав секретные припасы под подушку.

О традициях нашего семейного застолья можно было бы написать отдельный рассказ. Через большой обеденный стол проходила граница двух государств – лириков и физиков. Мы с моей старшей сестрой Тamarой, как дикое племя кочевников, осу-

ществовали постоянные набеги на территорию обоих государств, приобретая ценные знания, приобщаясь к цивилизации. Папино государство физиков влекло нас новизной последних научных открытий, тайнами Вселенной, там мы всегда находили простое и наглядное объяснение самым сложным явлениям природы.

Мамино государство лириков сверкало бриллиантами поэтических и музыкальных шедевров. Эта граница физики – лирики пролегла и в наших душах. Мы с сестрой всегда жили на два государства. Обе получили техническое образование, всю жизнь посветили профессиям, основанным на точных науках. Но души наши – вечные пленницы и поклонницы всяческих искусств.

Да, но сейчас нас ждёт полная опасности история объездки деревенского мустанга – Кешки. Ночь была беспокойной и длинной. Утром, дождавшись, когда взрослое население отправилось на работу, два индейца племени «Х» приступили к реализации плана «Мустанг». Вначале Кешкино поведение было предсказуемым. Он снисходительно позволял угощать его хлебными корочками, но стоило Вовке сделать попытку перелезть через забор, мустанг-Кешка бросал лакомство и нёсся со всей мочи к нарушителю границы. Было предпринято несколько безуспешных попыток. План трещал по швам, количество сахара и корочек таяло на глазах. После короткого обмена мнениями решили пойти на хитрость – обойти Кешку с тыла, через калитку, веду-

щую в огород. Пока я усыпляла бдительность подопечного, Вовка на цыпочках протиснулся в калитку. Мы не оценили Кешкиных сверхвозможностей. Несмотря на выдающиеся габариты, Кешка обладал молниеносной реакцией. Его хищные жёлтые глаза из-под нависших огромных рогов фиксировали малейшие изменения на 360 градусов вокруг. Вовка в ужасе вскрикнул, когда на него понеслась со всей козлиной прыти громада из рогов, копыт и шерсти. Я тоже издала боевой индейский клич, оседлав забор. Ватные от страха руки и ноги не слушались, и я со страшным грохотом свалилась вниз. Некоторое время Кешка был в замешательстве от нашей наглости. Придя в себя, он сосредоточил свое внимание на объекте шума. Теперь я с завистью вспоминаю о тонкости своей талии, сумевшей поместиться в зазоре между рогами, забором и Кешкиным лбом. Кешка пытался вдавить меня в забор, сосредоточив всё внимание на процессе. Вовка, воспользовавшись удобной дислокацией, вскочил на него, ухватившись крепко за рога. Дальше началось невообразимое. Мустанг-Кешка носился по загону, взбрыкивая задними ногами, вертя головой, подпрыгивая выше забора. Длилось это несколько секунд, но для нас, как в замедленной съёмке, всё запечатлелось до мелочей. В какой-то момент Вовка не удержался и отлетел в сторону.

Не знаю, что было бы дальше, если бы в это мгновение в Кешкину ногу не вцепился наш верный друг – пёс Булька. Кешка, как смертельно раненный му-

станг, метался по загону. Мы с Вовкой, воспользовавшись моментом, незаметно ретировались. Булька разжал свои мощные челюсти и с чувством выполненного долга тоже покинул загон. Инцидент был исчерпан. Два индейца племени «Х» и верный друг Булька зализывали раны и царапины, чувствуя себя при этом победителями – мустанг был объезжен.

После бурных событий прошедшей недели, мы решили провести древний индейский обряд – раскуривание трубки мира. Началась тщательная подготовка. Были собраны и окрашены в яркие цвета гусиные перья со всей округи. В берёзовой роще нашли укромное местечко для строительства вигвама и кострища. Не было только самого главного – трубки. В те далёкие времена никто из мужчин нашей деревни не имел привычки курить трубку. Это несколько усложняло ситуацию. Но индейцы племени «Х» не привыкли останавливаться на полпути – решили присмотреться к церемонии раскуривания дядей Колей козьей ножки. Всё оказалось проще простого. Мы были так близки к осуществлению плана. Необходимо было только достать спички. С этой целью мы отправились в летнюю кухню – святыне владения бабушки Маланьи. Кухня представляла собой низкую избушку с тщательно выбеленными стенами и с покрытой изумрудно-зеленым мхом крышей. Бабушка Маланья в это время ставила на плиту кастрюлю с маслом, чтобы перетопить его. Заметив нас, бабушка обрадовалась и попросила покараулить кастрюлю с маслом. Сама заторо-

пила в дом. Нам только этого и надо было. Быстро припрятав коробок спичек, мы с нетерпением стали заглядывать в кастрюлю. То ли дрова ещё не разгорелись, как следует, то ли для нас так медленно тянулось время, масло не поддавалось ни на йоту. Мы с Вовкой, воспользовавшись свободной минуткой, взобрались на огромный тополь. Как же было приятно лежать на гладких прохладных ветвях, крепко обнимая их руками, и, прижимаясь ухом, улавливать мощный поток энергии, идущий от корней.

Три тополя посадил дедушка Николай. Я знала о его судьбе только по рассказам бабушки Маланьи. Когда-то он был священником в крупном сибирском селе. Чтобы избежать жёстких репрессий, ему пришлось срочно поздней осенью с четырьмя маленькими детьми на одной подводе, с минимумом вещей уезжать в урман, так называл эту деревню дедушка. Зимовали в наскоро вырытой землянке. А летом построили эту маленькую избушку, в которой сейчас топится масло. А что это за запах горелого? Наше масло! Мы забыли про него! Первым в кухню ворвался Вовка. На плите полыхал яркий факел. Молниеносно схватив ковш с водой, он плеснул с размаху на масло. Прозвучал мощный взрыв, всё потонуло в тумане, рухнула штукатурка с потолка. Мы с Вовкой, остолбенев, стояли белые от осыпавшейся извёстки. Вбежала испуганная бабушка Маланья: «Живы. Ну, слава Богу» – вымолвила она непослушными губами. Мы пулей вылетели из избушки и помчались к нашему убежищу – вигваму.

Известковую белизну нашей кожи оттенял наряд из ярких гусиных перьев. Скрученная из газеты и осенних листьев трубка мира быстро намокла от начавшегося холодного дождя. От него невозможно было скрыться даже в вигваме. Два индейца племени «Х», так и не сумевшие провести обряд раскуривания трубки мира, побежали к бабушке Маланье, есть самые лучшие в мире драники со сметаной. Так закончилось наше индейское бабье лето.

Мы тогда ещё не предполагали, что в скором времени закончится и наша безмятежная детская дружба, не выдержав злых насмешек деревенской ребятни и обидной дразнилки – тили-тили тесто, жених и невеста.

Елена Мансурова

Глазки голубые

Василий сидел на скамейке около могильного холмика жены, смотрел вверх на пожелтевшую листву берёз, что окружали могилку и опять думал о том, что так и не понял по жизни, почему это место называется кладбищем. Здесь все вроде для мертвых. А вокруг все живое: дятел стучит себе и стучит, ветер листвой шумит, трава какая сочная! А у Антонины его, рядом с холмиком, столько ягод лесных всегда растет! Всё живое. Вроде бы и Антонина всегда рядом. Живая. Уж пятнадцать лет, как переселилась она сюда, а каждое утро разговаривал он с ней на кухне, пока пил свой чай. И вечером зачастую советовался с ней, как поступить ему в сложившейся ситуации. Сорок пять лет вместе прожили, троих детей вырастили, внуков помогали растить. А болезнь оставила Антонину без ног. Трудные времена наступили.

Об этом Василий вспоминать не любил. Жена, если и приходила к нему во сне, всегда была веселой, танцующей, в огромном цветастом платке. Очень она любила веселиться. Работала на стройке, уставала сильно, ходила всегда в рабочем комбинезоне. Единственные туфли, серые с бантиком, хранила в диване.

Жили они с ней и не задумывались, что денег хватало только, чтобы накормить семью, купить одежду, отстояв огромную очередь в магазине. Деньгами ведала Антонина. Ну и хорошо.

Как остался один, тяжело привыкал распределять пенсию по жизненным статьям. А у нее как-то ловко получалось. Раньше Василий два раза в месяц после получения аванса и зарплаты заходил в магазин за водкой с мужиками. Потом, как правило, во дворе, подальше от своего дома пили, ругали начальство, да все о работе говорили. Душе становилось легче. Доставалось же ему от жены потом! Скандалила, выгоняла. Почему-то из шифоньера резко доставала его единственный костюм, сшитый давно в молодости, который ему никак не сходил. И по этой же причине никому ненужный висел и мучался в шкафу. Со словами «Забирай и уходи!» Тоня выкидывала костюм на пол. Василий не перечил. Молча всё сносил. Ничего. Остынет.

Жизнь продолжалась. Заботы по хозяйству, хлопоты с детьми: пуговку пришей, валенки посуши, в садик отведи, уроки проверь – помогали вывести отношения в привычное русло. Когда костюм возвращался в шкаф, Василий понимал – простила. И опять в субботу, намыв полы и накормив детей, брали пирог с картошкой и бутылку самогона, вместе шли к друзьям в соседний дом. Посидеть, выпить и попеть. Петь любили. Иногда при хорошей погоде вечером, после застолья, ходили по поселку и пели. Жаль, на баяне никто из знакомых не играл.

Больше всего любила Антонина петь про васильковые глаза. Василий подпевал ей насколько удавалось. Редко, если честно, получалось спеть слаженно. Друзья подсмеивались. Но каждый раз он тянул припев, как мог. Часто вспоминалась жизнь. Как много в ней было хорошего... Когда жена рожала ребенка, Василий топтался под окнами роддома. Впервые увидев маленького в окне, он никогда не спрашивал – мальчик или девочка? Он кричал: «Какого цвета глаза?» Уж больно хотелось, чтобы у детей были васильковые глаза. Как у Тони. А ребята были кареглазыми – в него.

– Ну вот, мать. Опять как бы поговорить к тебе пришел. Больно далеко к тебе ходить, девять километров от поселка. Хорошо Димка, сосед, собрался своим поправить могилку. Меня позвал. Приехали с ним на машине. А так теперь редко получается. Не обижайся. Да и дел летом много, сама знаешь. На неделе высадил помидоры в землю. А друг зашёл и спрашивает, набрал ли я перегноя для рассады на следующий год. Спихватился я. Набрал целый мешок перегноя, погрузил на тележку (помнишь, это ты ее подарила мне, всё ещё целая) и повез в сарай, что около дома. Честно говоря, Тоня, хороша тележка. Я держусь за нее. Так меньше качает из стороны в сторону – никак уж восемьдесят пять отметил. А во дворе народ на лавочках сидит. После работы из садов вернулись. Спрашивают:

– Чего дядя Вася везёшь? Только май, а ты уже с урожаем никак.

– Вот вы какие, – говорю, – оглянуться не успеете, уже опять март. Рассаду сажать. Вот и запасаю перегной!

Подсмеиваются надо мной.

– А ты вот как, мать, думаешь? Я правильно делаю? Вчера Валерка, из первого подъезда, наловил карпа, продавал во дворе на столике. Я подошёл к нему на рыбу посмотреть, а он в пакет мне карпище заворачивает. Представляешь, бесплатно! Говорит: «Это подарок тебе, дядя Вася». Хорошие у нас соседи. А у башкирина Азамата из четвертого родился пятый сын. Ты ведь, наверно, помнишь Азамата только маленького. Время бежит. Так вот мальчишка родился беленьким, как грибок, и голубоглазым. Азамат качает его на коленях и приговаривает: «Запомни, сынок, ты – сын великого башкирского народа!» Малыш-то только васильковыми глазами хлопает. Чудно! Да, хотел, мать, с тобой посоветоваться. Маленько с пенсии отложил денег. На похороны решил не оставлять. Сколько б ни копил, соседка говорит, что не хватит. Может Сережке, внуку, отдать, как приедет? Ему тяжелее всех сейчас. За зиму, глядишь, опять подкоплю. Все звонят. Не беспокойся. За что, Тоня, тебе благодарен, так это за детей. Каких детей ты мне подарила! Тяжело им иногда. Как уж могу, помогаю.

Василий задумался. Неделю назад проводил среднюю дочь. Гостила с внуками у него. Сел на скамейку возле подъезда. Соседка спрашивает:

– Что сидишь, дядя Вася? Домой иди. Проводил же гостей.

– Проводил. И ждать начал, что опять приедут. Дети здесь – дома. Приезжают и хозяйничают.

Два наказа перед смертью жена оставила: «Не пей! И не разоряй свое гнездо!»

С годами желание выпить исчезло. Водка стояла в холодильнике на случай приезда гостей. Василий мог, конечно, одну «пропустить» за столом с гостями. Ну, это так. Для традиции и из уважения.

«Вот бы Тоня удивилась – водка стоит в холодильнике!» – думал иногда Василий.

В последние годы он полюбил мороженое. Такое ванильное в вафельном стаканчике. Часто себе покупал. И дом не запускал. Как пенсию принесет почтальон, тут же шел и платил за квартиру. Как и при жене, суббота считалась днём генеральной уборки. Правда, тяжелее с годами она давалась. Но подметал полы обязательно. А посуду всегда мыл тщательно. Бережно относился к дому. А ведь многие думали, что жениться должен.

– Нет, Тоня, такой как ты больше нет. Другой не надо.

Как смеялся однажды. Шел из сада с тележкой своей, держался за нее. По дороге сломанная берёза. А на ней подружки-старушки сидят. Отдыхают. Устали из сада идти домой. Слово за слово.

– Когда женишься? – Говорят. – Выбирай любую!

А Василий возьми да скажи:

– Зачем вы мне нужны? Я из города привезу женщину. В шляпе!

Как бабульки накинулись на него.

– Сам-то деревня!

– Какой есть, – думал Василий, – конечно, деревня! И никто мне не нужен.

– Ладно, мать. Пора домой собираться. Кличит, слышишь, Димка. До свидания. В следующий раз подольше, может, посижу, поговорим с тобой. Никто так со мной как ты не разговаривает.

Василий пошел к выходу.

– Странно, – думал он – когда мама умерла, мне было шесть лет. Как я плакал! Бегал через день на деревенское кладбище и рыдал навзрыд! А у Тониной могилки плакать не хочется. Только б поговорить с ней. Надо скамейку-то покрасить. А то уж вот внуки приедут...

Вечером, как всегда перед сном, Василий подошёл к углу комнаты, где висели иконки. Дети год назад сделали ему ремонт. Красиво всё и чисто стало. Спрашивают:

– Хорошо?

– Хорошо, только Божиньку моего верните на место.

Привык. Каждый вечер перед сном просил прощения у иконок перед Богом за то, что, может, обидел кого невзначай. И про каждого из родных вспоминал, помощи для всех просил. Как умел просил. Как понимал, что кому нужно. А в Храм дойти так и не получалось. Считал, что Бог в душе его живёт и то, что мир считается с Богом.

Соседке как-то постучал в дверь и сказал:

– Валентина, пойдешь в храм, так скажи, что очень уж дождь нужен. Сушь такая. Урожая не будет, боюсь.

И утром следующего же дня полил дождь. Неделю льет.

Опять Василий к соседке.

– Пойди уж в храм. Скажи – хватит лить дождю!

И верно. Закончился дождь! Летом следить надо за погодой. Сад.

Как любил Василий сад! Вместе с женой его покупали. Копали, сажали, урожай снимали. У каждого члена семьи была яблоня. Как-то похожи яблони на людей. У него и Тони были развесистые яблони «Белый налив». Уж никому не говорил Василий никогда, но на яблоне жены яблоки и крупнее, и слаще. По крайней мере, он думал так. Сыну посадил яблоню-дичку из леса. Получилось этакое чудо-дерево. На высокую яблоню привил несколько сортов яблонь, даже две ветки от груш. И все каждый год давали по несколько вкусных плодов.

А сын какой вырос! Гордость материнская. Иногда прилетал в гости из командировки. Дослужился до полковника. Оденет форму с погонами, а Тоня водит его по магазинам. Глаза ее вроде как ярче становились. Как и яблоня, сын очень общительным был и добрым. А ещё был похож на Василия, но характером в Антонину.

У дочерей ветвистые уральские яблони росли. Каждый год плодоносили. Яблок было очень много. Рождался внук или внучка, им тоже посажена была

яблоня. Изю всех сил холил он свой сад...

Умер Василий тихо. Провожали его всем двором. Молча. Тихо занесли в храм, где он так и не побывал. Отпели. И похоронили рядом с Тоней. Дети поставили памятник. Один на двоих. Как и в жизни было у них всё на двоих... Через год с радостью дочка обзванивала родных – родилась у неё внучка! А глаза-то у девчушки голубые! Васильковые! Было чему радоваться, было о чем на могиле родительской рассказать.

Галина Кашкина

Ты и я

Мы остались вдвоём друг для друга,
Ты и я — это наша семья.
Поначалу нам трудно смириться,
Что уходят от нас сыновья.

И теперь мы вдвоём, как вначале,
Лишь по праздникам ждём сыновей.
Мы об этом заранее знали:
Все уходят дорогой своей.

Только станет немного досадно
И обидою сердце кольнёт,
Когда сын, уходя, всё понятно,
Своим домом не наш назовёт.

Подрастают птенцы-первогодки
И со стаяй встают на крыло,
Только гнезда они по прилёту
Для своих будут строить птенцов.

Снегопад

Под тяжестью снега ломаются ветки,
Ещё не успевшие сбросить листву,
И даже дубочек, казалось бы, крепкий,
Дал длинный продольный разлом по стволу.

Вершины у сосен как щепки ломает,
Раскатится по лесу выстрелом треск,
И птицы в испуге с деревьев взлетают,
Вспугнув тишину, что таится окрест.

Снежинки в отдельности все невесомы
И тают в мгновение, ложась на ладонь,
Но если, собравшись, слипаются комом –
Раздавят лавиной, попробуй лишь тронь.

Как в притче старинной, не выдумать лучше,
Отец наставляет своих сыновей:
– Вы все по отдельности – тоненький прутик,
А вместе вы – сила! Живите дружей!

Семья

Ведётся исстари – семья –
Родители и дети,
А посчитать, то все семь «Я»
Живут в любви, совете.
Всё если поровну в семье,
То с этим не поспоришь,
Там счастье радостней вдвойне
И вдвое легче горе.

Ольга Ельдекова (Истомина)

Ты помнишь?

Ты помнишь, в нашем доме скромном
Жила привычная жара,
Когда стучался месяц сонный
В глухие вечера.

Спала на печке кошка чутко,
А за окном – девятый вал!
И поддувалу самокрутку
Отец курить давал.

Мой мир лежал на дне ладони –
Родные, школа... Всё своё!
Зимой, конечно, выюга стонет,
Но что нам до неё!

Под скрип качели неуёмной
Зубрю запутанный урок,
А свыше сводки монотонно
Пророчит радио-пророк.

Что надо было детям малым?
Отца и мать, тепло,
Почаще чтоб Иван-Купала,
Побольше б снега намело,

Не опоздать бы завтра в школу,
Успеть воротничок пришить.
И чтоб не ставили уколы...
Тогда и славно жить!

Караван телеграфных столбов
И пропахшая пылью дорога
По ночам приводят меня
К дорогому детства порогу:

На крыльце – половик кружком,
В доме настежь – глазок-окошко,
Вся семья – за столом рядком,
И на печке – клубочком кошка.

В потолке в гвоздь, согнутый крючком,
Протеснились веревки-качели,
Те, что тихую песнь вечером
Монотонно, заботливо пели.

Как же хочется всякий раз
Задержаться ещё на минутку,
Чтобы слушать бабулин рассказ,
Посмеяться отцовской шутке...

Но далек этот дивный край,
Лишь во сне вдруг найдёшь дорогу
И тогда успевай, шагай
Прямо в детство – к родному порогу.

Зима бредёт неторопливо,
Поёт то рьяно, то тоскливо.
Село за сизой дымкой-плёнкой –
Дитя под белую пелёнкой.

Из детства помнится немного:
Дома, застрявшие в сугробах...
Как ни крути, зиме в угоду,
Им до весны не знать свободу.

И в кол замерзшая тужурка,
И злится докрасна печурка,
Отец пускает вверх колечки,
А рядом мама – тоньше свечки.

Тепло бабули, Мурка-кошка,
За занавеской, из окошка –
Коза, гуляющая по крыше.
Из радио – потоком вирши.

Сама зима – подружка детства.
Чем больше снега – веселей!
А рядом, где-то по-соседству,
Всегда отыщешь сто друзей!

2023 г.

Заветная тетрадка

Лёгкий ветерок донёс до неё запах, как ей показалось, свежей осины, когда весной её распиливают на чурки. Открыв глаза, Олечка увидела над собой участливо склонённые стволы берёз, покачивающих косматыми, тёмными шевелюрами. Сквозь них просачивалось что-то нежное, синее, завораживающее. Да это небо!

Она лежала и любовалась этой весенней картиной, пока не почувствовала холодок на спине. Оглядевшись, поняла, что лежит в большой мартовской луже. Это был её первый обморок. Потом были скучные походы по больницам, которые закончились заточением в детский санаторий.

Пансионат запомнился Олечке обязательной, ежедневной утренней зарядкой, пельменями, купающимися в жёлтом масле и волшебным гематогеном, который ей иногда давали на кубик больше, чем другим. Лица врачей и ребятишек в памяти не сохранились.

В свободное от процедур время она сидела на подоконнике. Вот тогда в её руках появилась та заветная зелёная ученическая тетрадка, в которой она что-то старательно записывала. Когда к девочке подходили ребята, Олечка мгновенно захлопывала её, прижимала к себе, как какое-то сокровище и равнодушно отворачивалась, делая вид, что смотрит в

окно. Они мешали ей сочинять стихи. Мальчишки уже несколько раз пытались отобрать тетрадку. Но Олечка тут же поднимала такой рёв, что те убегали, и вскоре потеряли интерес к ней.

А за окном жило чужое счастье: шныряли по своим делам собаки, важно прохаживались разноцветные кошки, спешили с сумками чьи-то мамы и папы, выносили мусор и судачили бабушки, катали на санках своих сестрёнок братья... Когда никого не было, она просто разглядывала, как дружно раскачивались на проводах-качелях льдинки. Оленька даже слышала, как они разговаривают.

Так зарождались её первые стихи. Она записывала их в аккуратные столбики, чтобы было всё, как у настоящих поэтов.

Стихи были о том, как её, укутанную до глаз в пуховую шаль, везёт мама, а сбоку бежит брат, время от времени помогая маме вытаскивать застрявшие в сугробе санки. Как они с бабушкой выносят на полянку возле дома-избушки большое доскутное одеяло и подушки и спят прямо здесь, под небом, утыканным подмигивающими звёздочками. Про кур, которые не хотят спать в курятнике, а мостятся на березу, рассаживаясь чинно под окрики строгого петуха. Про тёплые лужи после дождя на изумрудно-зеленой траве, по которым они с соседскими ребятишками бегают босиком. Как она поставила пластилиновых солдатиков брата на горячую печку погреться, а они взяли и растаяли... Но больше всего ей нравилось стихотворение о том, как они с братом исследовали

длинного червяка, разглядывая его в увеличительное стёклышко, а он в это время разглядывал их.

А ещё было стихотворение о том, как она толкнула брата, и он наткнулся спиной на гвоздик, торчащий в стене. Она горько плакала, увидев капельку крови, а брат её успокаивал, говоря, что это совсем не больно, но Олечка то знала, что больно, ведь врачи часто прокалывали ей пальчик, чтобы намазать кровь на стёклышко, а потом смотреть через него на солнышко.

Но вот и к ней пришло долгожданное счастье, вернее приехало за ней в виде папы. Он привёз ей новое пальто и шапку. Шапка была мальчишеская, но это не омрачило её счастья. Она схватила папу за руку и не отпускала до тех пор, пока не сели в поезд. Теперь уже можно и отпустить – папа никуда не денется!

Олечка долго ждала, когда улягутся спать соседи по купе – ей не терпелось показать ему свою тетрадку. Она живо представляла, как отец обрадуется, как будет всем с гордостью рассказывать, что его дочь стала поэтом!

– А ну-ка, давай, читай! – сказал он, узнав её секрет.

Олечка читала громко и очень выразительно, старалась, чтобы папе понравились стихи. Но он смущённо покосился на верхнюю полку, на которой лежала какая-то расфуфыренная тётя, улыбающаяся противно сладко.

– Ну, ладно, всё, хватит! – сказал папа, не дослушав на самом интересном месте. Там, где было про червяка. – Давай спать, пора, завтра рано вставать.

Олечка послушно легла, а ночью её щуплое тельце долго сотрясалось от удушающих рыданий. Удушающих, потому что она плакала в подушку, чтобы не слышал папа и противная попутчица с бровями домиком.

Утром случилось непоправимое. Галине Васильевне, так её звали, было не во что завернуть недоеденную курицу. На глазах онемевшей от ужаса дочери, папа вырвал несколько листов из заветной тетради и отдал ей! До конца пути Оля молчала и думала, что никогда больше не будет писать стихи.

*

В маленьком домике чувствовался праздник. Все ждали Олечкиного приезда. Мама сшила ей красивое зеленое платье. В этой зелени благоухали цветы и порхали бабочки. Брат слепил из пластилина Дюймовочку и посадил в середину маминой китайской розы. А ещё он купил ей на накопленные деньги фонарик. Бабушка испекла любимые пирожки с клубникой. Папа то и дело нежно гладил по голове.

Ночью, лёжа под тёплым бабушкиным бочком, она слушала рассказы про её тяжёлую, но счастливую молодость, потом не удержалась и рассказала про тетрадку.

– Внушенька, почитай, золотко, ох и люблю я стихи! – призналась бабуля.

При свете фонарика Олечка читала одно стихотворение за другим. Бабушка колыхалась от беззвучного доброго смеха, искренне удивляясь хитрости и рассудительности червяка; неподдельно охала, опасаясь за беспечных льдинок, раскачивающихся на проводах.

Когда она уснула, в окно к Олечке заглянула улыбающаяся физиономия луны. А вместе с ней откуда-то с неба скатились строчки стихотворения, с которого началась её новая жизнь...

Маленький домик, избушка-игрушка...

Комнатка в два окна.

Дряблую щёку рукой подперев,

Ты у окна одна...

Георгий Черных

Сновидение

Я видел сон. Мне в нём вновь комната приснилась
Из прошлых лет. Где пыль последних наших встреч
Давно осела. Там ты снова появилась,
Пытаясь этим наше счастье уберечь.

Пришла нежданная, давно желанной гостьей.
Ты на секунду постояла у дверей
И, вновь возникшая из памяти и злости,
Шагнула в комнату. И стало в ней светлей!

Вошла, стоявшая в ночи перед глазами,
Ты – боль моя и мой порыв неистовый,
Окно открыла. И дождь тёплыми слезами
Вдруг превратил из старого всё чистое.

Ворвался ветер, разогнал мои печали,
Развеял горечь, сожаленье раскидал!
Ты улыбалась. А на сердце заиграли
Лучи любви к тебе, и музыки хорал...

Я вдруг проснулся. В светлой комнате. Один.
Окно затянуто узором ледяным.
Она, из сна, спит на моей груди...
Мой сон был сном. А стал реальным и живым.

Переполнен! Тобой переполнен,
Наслаждаясь дыханием ровным!
И всегда я с тобой неспокоен,
Как Телецкого озера волны!

Что опять, погружаясь в глубины,
Где разрушена времени льдина,
И плывут по воде бригантины
Парусов алых, словно из Грина,

Я, покинув пределы Вселенной,
Упаду ярким светом мгновенно
На вершину Белухи священной,
Освещаая наш путь неизменно!

И, настроив сердечные струны,
Буду слышать тебя даже в будни,
Создавая, как в древности, руны,
Спрятав их в бирюзовой Катунь!

Чтоб потомок нашёл их и поднял.
И наш гимн будет снова исполнен!
И играя его, он бы понял,
Почему я тобой переполнен!

За столом у окна
У зажжённой свечи,
Вышивая венчалное платье,
Ты сидела одна
И жалела почти,
Вспоминая о чём-то некстати.

Ты не смотришь в окно:
Там темно, и мороз
Всё тепло хочет вынуть из тела.
Позабыв про шитьё,
Вспоминаешь вопрос –
Ты припомнить о чём-то хотела.

И, отложив иглу,
Вспоминая о том,
Что никак не приходит в целом,
Ты задуетшь свечу
И посмотришь в окно,
И увидишь, что улица в белом.

Белый снег лунный свет
Отражает, искрясь.
Заполняя весь мир собою,
Помогает. Но, нет,
Ускользнёт мыслей вязь,
Застывая слезой восковою.

Мир, забывшийся сном,
Позабывший почти
И тебя взять в ночные объятья,
У окна за столом,
У зажжённой свечи
Ты дошила венчальное платье.

Прозрение

Он ждал в жизни к счастью перемены.
Но – не повезло:
На губах остался вкус измены
И обиды зло.
Той измены, что заходит в сердце,
Ревностью плюя,
Жёсткой, хлёсткой болью цвета перца,
Вкуса миндаля,
Перешедшей враз в слепую ярость.
Как трава полынь,
Изнутри съедает. Что осталось,
Превращает в пыль.
Покрывает ядом и отравой
Верности очаг.
Вперемешку с грязью жгучей лавой
Этот грозный враг
Счастье жжёт и топчет, не жалея,
Как вандал – псалтырь,

Превращая узы Гименея
В свалку и пустырь....
«Впрочем, ничего здесь не изменишь, –
Он себе шептал, –
Но твоя вина в её измене
С первых дней, с начал».
И кричал уже остервенело:
«Посмотри назад:
То, что в сердце чувство онемело,
Ты и виноват!
Как случилось, что уже в начале,
Счастью вопреки,
В пресном быте чувства расплескались
Брызгами тоски?
Что ты делал, чтобы дом был домом -
Милым и родным..?
Ты ли не был "кухонным боксёром"
Пьяным, страшным, злым?
И не слышал с каждой новой ссорой:
«Милый, пожалей?..»
Что ты сделал, чтобы стать опорой
Для семьи своей..?

Ни-че-го...»

Так коротко, что страшно,
Что бросает в дрожь.
И внезапно вдруг так стало важно
То, что не вернёшь....

Голос не звучал уже так лихо,
Кончился порыв.
«Что ты натворил», – сказал он тихо,
Голову склонив.
И сидел, смотря на отзвук прошлых
Прожитых картин,
В наступивших ночью бликах звёздных,
У крыльца.
Один.

Представьте на минутку:
Объятый счастьем шар
Пульсирует внутри
Сияющим секретом!
Искрясь небесным светом,
Он словно говорит:
«У вас есть Божий дар,
Представьте на минутку!»

И, вы вообразите,
Шар создан для двоих,
Но – продолжение вас
И – смысл жизни вашей!
Парит в священной чаше
Шар, как иконостас.
Там есть среди святых
И вы! Вообразите!

И этот шар прекрасный
В час, что Господь назвал,
Взорвётся изнутри
Восторгом жизни звонко!..
И вы, под громогласный
Аплодисментов шквал,
Подносите к груди
Рождённого ребёнка!

Постижение

Знаешь, об этом мы и не мечтали,
Что, постигая вселенские дали,
Там, где блуждает Большая Медведица,
В звёздном пространстве ангел нам встретится.
С ним проплывая в серебряном свете
Над неизвестной науке планете,
В звёздных скоплениях необнаруженных
Дивную музыку, чувствуя, слушали.
В тех вездесущих космических звуках
Мы находили друг в друге друг друга.
И на туманностях без гравитации
Воссоздавали свои инсталляции.
Чтобы понять, кто в высь мир этот движет,
Путь длинной в жизнь нам указан был свыше.
До восхищения от созерцания
Мы постигали его созидание!

Нам открывался, вставал всё чудесней
Музыкой вечной из дальних созвездий,
Солнцами яркими весь освещаемый
Космос – великий и непроницаемый...!
Мы не желали космических далей.
Взявшись за руки, мы просто мечтали.

И, поражаясь вселенскими глубями,
Крепче сплетались сердцами и судьбами.

Вечерняя сюита

А жизнь идёт.
И вместе с ней года
Ползут неумолимо, словно глетчер*
Нелёгкой ношей лет. Но, как всегда,
За днём прошедшим вновь приходит вечер.

Вечерний сумрак тихо входит в дом.
И мы с женой, уставшие, с работы.
Он нас встречает светом и теплом
И – погружает в новые заботы.

Так, день за днём, в домашней суеде
Нам повседневность освещает лица.
Что, кажется, в такой неполноте
Любовь уже совсем должна забыться.

Что будет снова день наавтра пуст,
Заполненный избитыми словами...,
Не верьте в это – проявление чувств
Незримо проявляется с годами.

Вот так и мы, забыв про нужность дел,
Вдруг, подойдя друг к другу, без причины,
Обнимемся, и тот огонь, что грел,
Растопит лёд, дойдя до сердцевины.

И время остановится на миг...
Но этот миг столетия дороже,
Когда пойму, что наконец постиг,
Как я любим!
И я люблю как тоже!

* - глетчер - ледник

Светлана Костина

Баллада об одной матери

У магазина напротив вокзала,
Женщина-мать на ребенка кричала,
Женщина – мать на ребенка серчала.
Кроха, за что же тебе перепало?
Строгая, грозная, грузная дама,
С сумкой-пакетом из универсама,
С этой чудовищной сумкой-пакетом,
Женщина-мама в пальто и берете.
Девочка-дочка, она перед нею,
Крошечной, кроткой, хорошенькой феей,
Кончик шарфа теребя виновато,
Стойко ждала завершенья тирады.
У магазина напротив вокзала,
Белая древняя церковь стояла,
Между табачным ларьком и аптекой,
Снежная церковь десятого века...
И полились колокольные звоны,
Над суетою неугомонной...
Над городской толпою усталой,
Над магазином напротив вокзала.
Смолкла сердитая женщина-мама,
Видя закатное небо над храмом,
Как красное солнце уходит за купол...
И дочкины грустно поджатые губы...

Вдоль по усыпанной снегом аллее
Женщина-мама и девочка-фея
Под звон колокольный, исповедальный,
Тихо брели к остановке трамвайной.

Прощай, прощай...

Прощай, прощай, ты был четвертым мужем...
Ты был не лучше их, ты был не хуже.
Прощай, прощай, ты не скрывал досады...
Остывший чай, обломок шоколада...
Ты уходил, мой добрый, мой хороший,
Забыл свой шарф на вешалке в прихожей,
И запах слов не высказанных, нежных,
Которые спасли бы нас, конечно.
Мой милый, мой чудесный, мой четвертый,
Мы вместе уезжали на работу,
Мы вместе жили, ели, ждали счастья,
И ты во сне держал мое запястье.
Прощай! Прощание с тобой необратимо,
Безслезно отпускаю я любимых.
Беззвездной ночью, в зимнюю субботу,
В четвертый раз я приняла свободу.

Мы постареем

Мы постареем в горной деревеньке,
В избушке с чистой печью-камельком,
Где верный пес задремлет на ступеньке,
Где будет пахнуть хлебом и дождем.
Где хлябь дорог не просыхает летом,
И пчелы жалят ласково, без зла,
Здесь буду я идти в косынке светлой
Встречать своих коров – на край села.
Наверное, ты бороду отпустишь,
Ах, как же седина твоя бела!
Мы будем жить без радости и грусти,
Не помня дня недели и числа.
На лавочке мы сядем у забора
И будем отдыхать от суеты.
И путников встречать, идущих в горы,
С бидончиком березовой воды.
Нас жизни лихо больше не закрутит,
Оно свое получит до того.
Нас будут уважать в округе люди
И думать, что нам верно лет по сто.
Когда наш век закончится однажды,
На поминках напьются мужики,
И кто-нибудь с улыбкой грусти скажет:
– Хорошие вы были, старики!

Оля из «Версаля»

Салон красоты «Версаль» располагается в подвале пятиэтажки-хрущевки, по соседству с бюро путешествий и магазином разливных напитков. Ольга обычно приходит на работу раньше всех, чтобы перед суетливым днем немного побыть наедине с собой. Двумя поворотами ключа она открывает дверь «Версаля», запертую на тяжелый замок, и тот откликается короткими послушными щелчками.

В салоне вздрагивает свет, отражаясь матовым блеском на бордовых пластиковых панелях. Здесь слегка пахнет сыростью и канализацией. Скоро придут мастера и разольются разные ароматы: краски и лака для волос, кофе и парфюма. Ольга снимает пуховик, задержавшись у зеркала. Молодое, но усталое лицо женщины, у которой всё непросто. А впрочем, кому сейчас легко. Ей 32 года. У неё короткие тёмные волосы и большие глаза – серые, с теплым зелёным отливом.

Наливает горячую воду из кулера и окунает туда чайный пакетик. Пять минут на чай, а потом – дела. Старая кружка с трещинкой, с большим сердцем на боку. Женька её дарил, когда они ещё только дружить начинали. Это было миллион лет назад, а кружка-старушка всё ещё поит её чаем.

Она думает о Мите. Вчера звонили из школы, опять подрался с одноклассником. А дома молчит,

от разговоров в своей комнате прячется. Переходный возраст. Эх, сынок. Ещё и Женька... О нем лучше ни думать, не сейчас, не на работе.

Когда пришла Лера, Оля успела привести в порядок рабочее место и надела фартук.

– Ты уже в боевой готовности, ранняя пташка, – заметила Лера.

– Хотя в чём-то я должна быть первой, – улыбнулась Оля.

Лера работает в «Версале» с самого его открытия, то есть с 1990-х. Никто здесь не знает её отчества. Всегда девчонка, хоть ей уже далеко за 50.

А вот и Нина Павловна, она ходит к Лере «на кудри» с незапамятных времён.

– Ниночка Павловна, садитесь, будем делать из вас богиню! Как ваши дела? – Лера почтительно усаживает клиентку в кресло.

Нина Павловна начинает свою обычную историю про котов, телесериалы, про свои болезни. Одинокая женщина. Не ради кудрей она ходит к Лере, а выговориться.

Потом пришла маникюрша Лена и юркнула в свой кабинет. Клиентки у неё тихие, да и Леночка не любит лишних слов. Зато парикмахерский зал всегда гудит от голосов... Здесь уже зачикали ножницы, зашумели фены. «Версаль» окончательно проснулся.

Олина клиентка задерживалась. Она написала сообщение «Простите, опаздываю, но уже бегу». Оля ждет. Она думает о планах на вечер, о том, что

купит пиццу. Они посидят вдвоем с Митей, попьют чай, ей надо ему кое-что сказать...

Запыхавшаяся клиентка влетает в салон.

– Простите, Оля, сломалась машина, и всё пошло не по плану. Пока ребятню в школу и садик проводила, везде опоздала... С семи утра – бегом, уже без сил, – она падает в кресло.

– Все хорошо, Надежда Сергеевна, теперь можно и выдохнуть, – Ольга смотрит на клиентку в зеркальном отражении и улыбается ей.

– Точно, у вас я всегда расслабляюсь, – Надежда Сергеевна доверительно откинула голову назад.

– Как обычно стрижемся? – спрашивает парикмахер.

Надежда кивает и закрывает глаза.

Оля аккуратно проходит расческой по её растрепавшимся волосам. Эта маленькая хрупкая женщина – мама пятерых детей. В прошлом году она потеряла мужа... Он жив, просто ушел к другой – молоденькой. Потом вернуться хотел, а Надежда не приняла. Гордая. Постоянно меняет работу, с людьми ладить у нее не всегда получается, хотя и трудяга, каких поискать. А все разговоры у неё про детей.

– Оля, представляешь, мой Пашка в мае поедет в Москву, будет участвовать в соревнованиях по плаванию, а Лизка мальчика себе нашла. Ох, и ранняя.

– А Варя? Выздоровела?

– Да, с Варькой всё нормально. Теперь вот у Антона горло болит.

– Я вам сейчас скину название средства, я сыну давала при простуде, очень помогает....

За разговорами быстро пролетают минуты. Надежда Сергеевна улыбается себе в зеркале.

– Ну, вот я и опять красавица. Ещё и отдохнула, пар выпустила, – смеётся. В её голосе появились нотки радости.

– Да, вам очень идёт этот образ. Действительно, красавица! – соглашается Ольга.

Лера, уже проводившая Нину Павловну, присоединяется:

– Хороша! Это ваша длина, короче не стригитесь!

– Девчонки – вы такие молодцы! – уже на выходе обращается она ко всему парикмахерскому залу и скрывается за обшарпанной дверью «Версаля».

– Оль, у тебя кто-то записан на ближайший час? – обращается Лера к Ольге. – Мне убежать надо, к маме в больницу. Возьмешь моего клиента?

Мама у Леры лежит в онкологии.

– Конечно, я как раз сейчас свободна, – соглашается Оля.

Лериным клиентом оказывается юное создание, которое хочет перекрасить свои белокурые волосы в какой-нибудь другой цвет.

– Как вас зовут? – спрашивает у создания Ольга.

– Алина.

– Алина, я повидала много волос, но такой чистый, красивый цвет как у вас – это редкость. Он вам не нравится?

Алина смущенно смотрит в пол.

– Нравится, но у нас есть в классе девочки. Они называют меня белой вороной...

Ольга погладила её по волосам.

– Белая ворона – это же так необыкновенно, это такой комплемент! Они признались, что завидуют, разве вы не поняли? У вас волосы как у сказочной феи, а у них наверняка – самые обычные. Да и человек вы, как мне кажется, особенный и талантливый.

– Да какие особо таланты, разве что рисую немного.

– Вот и рисуйте, белокурая художница, и с гордостью носите высокое звание белой вороны.

На лице у Алины появилась улыбка.

– Я не особо хотела краситься, просто обидно стало, психанула...

– А раз уж вы пришли, давайте, я вам кончики подровняю и укладку сделаю.

– Да ладно, не надо...

Оля заметила, что Алина упорно прячет под кресло ноги в заношенных кроссовках.

– Алина, это подарок от меня. За то, что доверили мне свою историю.

Пока Ольга колдовала над головой девчонки, вспоминала себя в юности. В какие цвета она только не красила свои волосы, вопреки родительским запретам! Ей, наоборот, хотелось стать белой вороной, не походить ни на кого. Казалось, что путь к самоутверждению пролегает именно через волосы. Наверное, тогда она и поняла, что хочет стать парикма-

хером. Поняла скорее подсознательно, она вообще не особенно задумывалась о будущей профессии, хотелось просто школу без троек закончить. Потом поступила на экономический, чтобы родителей не расстраивать, где проучилась два года, а бросила и пошла в парикмахеры. Но в университет она пошла не зря, встретила там Женьку. Они вместе ходили в драматический кружок, играли в студенческих постановках. Как ее вообще туда приняли с голубыми-то волосами?

– У тебя синдром Мальвины, но я сделаю из тебя нормального человека, – сказал он ей однажды, когда провожал в общагу после репетиции.

– И каким образом?

– Для начала я на тебе женюсь.

Они поженились в тот же год, и Оля, действительно, перестала экспериментировать со своими волосами, наигралась.

Алина очень себе нравилась. Прямо в салоне увлеченно делала селфи. Мимо неё прошла тётя Рая.

– Молодежь. Со своими телефонами людей вокруг не замечают, – проворчала она.

Тётя Рая была вечно чем-то недовольна. Может, это от одиночества – мужа схоронила, сын у неё пьющий, а внука в Москве живёт.

Она когда-то работала продавцом в ЦУМе, а сейчас, на пенсии, подрабатывает уборщицей в кинотеатре. Всей и радости у неё в жизни – отчитать кого-нибудь.

– Как у вас дела, тётя Рая? – спрашивает Оля, не отрываясь от ножничек, которые энергично отстри-

гают седые прядки.

– Да никак. Давление скачет, говорят, магнитные бури... Внучка не звонит.

– Так вы ей сами бы позвонили.

– Ага, щас! Ей, Оленька, до меня дела нет. Пока растила, помогала, нужна была, а сейчас зачем я ей? Вот такая нынче молодежь – равнодушная!

– Не мне вам, конечно, советы давать, вы – женщина мудрая. Но приведу вам пример. У моей родственницы дочь уехала учиться в Питер, там у неё началась новая жизнь, стала она редко матери звонить. Родственница обиделась и тоже не звонила. Прошло несколько месяцев, мать узнаёт, что у дочери с тем парнем не сложилось, с учебой тоже, девочка вернулась в родное село и ночует у подруги, по родителям страшно скучает, но домой не идёт, боится, что осудят. Когда дочь и мать встретились, обнялись и поплакали, а потом как-то всё наладилось. Доверия между ними больше стало. Девочка наша потом восстановилась в университете, сейчас снова учится.

Эту историю Ольга придумала, удивившись собственной фантазии: получилось очень даже убедительно. А вдруг поможет, и тётя Рая, наконец, поговорит с внучкой.

– Ну, это не про мою Надьку. Ей если что надо, она провода оборвёт, будет названивать. А что ей теперь от меня, от старухи, может быть надо? Не позвонит, и я не буду. Пусть живёт, как хочет, – не сдаёт позиций Рая.

– А может она ждёт вашего звонка, но боится первый шаг сделать? Может ей вашего доброго слова именно сейчас и не хватает? Ведь родных-то у неё почти нет, и она у вас одна – внучка-то. Мне почему-то кажется, что она очень-очень ждёт вас...

Тётя задумалась о чём-то, потом, когда стрижка была окончена, молча рассчиталась и ушла.

«Она позвонит внучке», – подумала Оля с уверенностью. Ей очень хотелось, чтобы в следующий раз, когда тётя Рая придёт подстригаться, услышать от неё разные новости про Надю, с которой они созвонились.

Сан Саныч – мастер спорта по шахматам, а еще депутат, общественный деятель и вообще активист. Конечно, он любит поговорить. Пока Ольга подстригала его, она узнала много нового о проблемах своего региона и о насыщенной жизни Сан Саныча, который только за этот месяц одержал две победы в шахматных поединках, поучаствовал в митинге несогласных, донорской акции и сборе гуманитарной помощи.

Сан Саныч всегда был таким – вездесущим и равнодушным. Ольга его помнит со школы, когда он работал там учителем физики.

Стрижка окончена. Сан Саныч встал, повертел головой у зеркала.

– Спасибо, Оленька. Помолодел лет на десять!

Рассчитавшись, он поинтересовался:

– Как у тебя-то? Нормально?

– Всё хорошо.

– Как муж? Как дети? У тебя двое?

– Мужей или детей? – пошутила Ольга. – Сын у меня. Один пока.

Сан Саныч засмеялся:

– Детей надо больше, а муж пусть будет один.

– Главное – пусть он будет, – пронеслось у Оли в голове.

Вечер незаметно просочился в маленькие подвальные окна «Версаля», заполнив их густой синевой, с рассыпчатыми бликами электрического света. Проводив последнего клиента, Ольга поняла, что сил у неё хватит ровно, чтобы добраться до дома и упасть в постель. Гудели руки и особенно ноги, ведь за день почти не удаётся присесть. Лера как-то сказала, что общение с клиентами забирает больше сил, чем остальная работа, может она и права. К концу дня после многочисленных разговоров и историй, пропущенных через себя, чувствуешь какое-то опустошение. Но как иначе, если для многих старый-добрый «Верасль» – это место, где можно, прежде всего, просто поболтать. У Оли, да и у остальных девчонок, почти все клиенты – это давние знакомые, которые, порой и сами того не осознавая, идут к своим мастерам, как к исповедникам, психологам или просто подругам.

А Оле сегодня надо бы поговорить с Митей. Замкнутый он стал, колючий. Она понимает, что это возраст, но и не только...

– Митя, я пиццу купила! – Оля вошла в дом, щелкнула выключателем. – Опять сидишь в темноте?

Сын ссутулился за столом, смотрит что-то в телефоне. Высокий, с острыми плечами, со спины он стал сильно походить на отца.

– Мам, я не голоден.

– Митя, ну чего ты? Это же твоя любимая, с ветчиной.

– Потом. Пойду пока в свою комнату.

– Митя...

Он обернулся к Ольге.

– От папы нет новостей?

– Нет, сынок.

Ушел. Ольга села в кресло и закрыла глаза. Кажется, поговорить с Митькой сегодня не получится, сил нет. Уснуть что ли прямо здесь? Оля знала, что Митя переживает из-за отца. Так он скучает – замыкаясь в себе, но ведь и она замкнулась. Им обязательно надо поговорить. Им надо быть вместе. Надо ждать, верить, любить и тогда там, на фронте, это почувствует Женька. Уже два месяца от него нет вестей...

Ольга вошла в комнату сына, присела на краешек дивана, где он полулежал, укрывшись отцовским махровым халатом. С недавних пор он стал заменять ему плед. Митьке так хотелось.

Увидев мать, он сел рядом.

– Мама, ты в порядке? А то бледная какая-то.

– Не беспокойся, я в норме. Хотела тебе сказать, что...

– Что?

Митя напрягся, сжал губы. Оле его лицо сейчас

показалось невероятно взрослым.

– Что, мама?

– У тебя будет братик.

Он впервые за долгое время улыбнулся.

– Вот ты меня напугала! Я, блин, всякую фигню подумал.

Немного помолчав, он добавил:

– Наконец-то в нашем доме появится тот, кого я смогу учить жизни на правах старшего. Я рад, мам, папа тоже будет рад.

Потом они пошли на кухню есть пиццу.

Людмила Гришка

Родным братьям

Где ж вы, братья родные мои?
Что же жизнь так нас всех разбросала?
И на разных сторонках земли
Ожиданием жить завещала.

Ах, как хочется вместе собраться,
Юность в памяти шевельнуть
И сединам в висках удивляться,
И губами к морщинкам прильнуть.

Вспомнить детство вихрастое наше,
Как мы бегали, хлеб прихватив,
Как на речке всегда пропадали
Целый день, от зари до зари.

Как всё лето босыми ногами
Лихо лазали мы по горам,
И напрасно бабуля кричала,
Зазывая идти по домам.

Как мы сытые были природой:
Земляника, сурепка, щавель.
А под вечер домой возвращались,
От усталости рухнув в постель.

Так прошло беззаботное лето,
В школу мать провожала с зарёй.
Завернув аккуратно в газетку,
Завтрак бабушкин брали с собой.

А теперь бы нам только свидаться,
Снова в памяти всё шевельнуть,
И сединам в висках удивляться,
И губами к морщинкам прильнуть.

Бабушкина изба

Я в мыслях в детстве давнем, там – бабушки изба
На маленьком пригорочке окошками светла.
Тропинка до крылечка, цветочный палисад,
Через дорогу речка, черёмуховый сад.

В цветочек занавески, дорожки-самотканки,
Лампада на подвеске, станок рабочий, ткацкий.
В ведёрке оцинкованном – вода из родника,
От лампочки стоваттовой свет тусклый с потолка.

А справа печка русская добра и горяча,
На противне – румяные два пышных калача.
В сторонке у окошечка, за небольшим столом
Кормила внуков бабушка фруктовым киселём.

Я помню детства запах... Вернуться бы назад.
Но тихо облетает с черёмух листопад...

Тополиный пух

По зову крови из-за трёх морей,
Из-за лесов, покрытых жизни сроком,
Стремятся души наших кораблей,
К зовущим сердце родовым истокам.

Там у калитки мама и отец,
На кухне пахнет бабушки печеньем.
Там брат Серёжка – юный сорванец
Макает хлеб в клубничное варенье.

Там две косички мне всегда плели
И алые банты на них вязали,
Там братика в конверте принесли
И Юрой, как Гагарина назвали.

Бьёт струи из горы большой родник,
Внизу поляна – детям для игры,
У дома тополь, он ронять привык
Пуховые серёжки до поры.

Теперь всё реже в сердце детства стук,
Иссохли струи родника живые,
Серёжек тополиных белый пух
Раскрасил наши головы седые.

Треугольник любви

Начало пасхальной недели. Знаковая дорога, которая ведёт к истокам. Встреча с родными братьями предстоит через несколько часов. Так волнительно!

Нам было уготовано прожить жизнь вдалеке друг от друга. Наше поколение 60-70-х годов – это люди особые, избранные Небом. Нам посчастливилось жить в двух веках – XX и XXI-м, а также быть причастными к началу нового третьего тысячелетия и проживать в нём уже третий десяток! Если задуматься, то это, действительно, эпохальное поколение, которое отличается особым внутренним стержнем, содержащим в себе высокую долю патриотизма, человечности и доверчивости, граничащей порой с детской наивностью.

Сколько разных политических игр, порой жестоких, пришлось пережить людям, свято верящим кому угодно и жившим по принципу «что ни поп – тот и батька», возвеличивающим до кумиров временных правителей. Но как жестоко было для народа разочарование от вранья и подковерных тайн «их величеств»!

Эти размышления пришли ко мне в ожидании поезда на Новосибирском вокзале, когда, осознав важность нашей встречи, я благодарила Творца за силы и возможность вновь увидеть родных моему сердцу людей. Вместе прикоснуться к светлой памяти наших родителей, вспомнить детство и юность.

Живя в разных точках нашей страны, мы соединены вершинами образующегося треугольника.

Наш младший брат Юрий живёт и трудится на севере Архангельской области, в городе Северодвинске, Сергей – в далёкой Сибири, под Красноярском, в Ачинске, ну а я, старшая из них – в самом лучшем уголке мира – на Алтае. Если соединить эти три точки на карте прямыми линиями, то получится большой треугольник, а в его пространстве находится вселенская энергия Любви наших, безвременно ушедших родителей, разделивших свой недожитый век между нами, оберегая и давая силы проживать самые трудные моменты на наших жизненных дорогах.

Созвонившись накануне отпуска Юры, решили встретиться у брата Сергея в Ачинске. Оттуда и до Красноярского аэропорта два часа езды, чтобы проводить обратно, и возможность параллельно прикоснуться к священным водам батюшки Енисея, а также посмотреть город с его мощной архитектурой, памятниками и площадями, поющим мостом через главную реку Сибири. Побывать в культовом месте Красноярские Столбы и в парке флоры и фауны «Роев Ручей». Всё это случится чуть позже, а пока...

Последние минуты подъезжающего к вокзалу поезда всегда так медлительно-томительны! Ожидание после пятнадцатилетней разлуки, а братья не виделись 35 лет! И вот перрон, остановка. Меня обнимают двое здоровенных, крепких, красивых муж-

чин. Безудержные слёзы радости катились по нашим щекам, и встреча получилась такой, будто и не было позади этих прожитых лет, словно мы только вчера расстались.

За щедро накрытым столом с горечью помянули наших родителей добрыми словами благодарности за подаренную жизнь. Родом мы все с Алтая. Мама с отцом познакомились в сельском клубе, когда пели в хоре, так и жизнь у них сложилась словно песня и судьбой было назначено прожить с этой песней 30 лет. Ушли они один за другим через десять лет, в совсем ещё молодом возрасте, оставив нас с привитой любовью к людям, песням и самой жизни.

На время, которое нам было отпущено, мы, не сговариваясь, вновь превратились в детей, продолжая эту удивительную игру перевоплощений. И только в моменты каких-то серьёзных суждений понимали, что все мы абсолютно разные, состоявшиеся взрослые люди, каждый со своими взглядами и оценками. Но любить друг друга от этого мы не переставали меньше, мгновенно переводя всё в шутку и продолжая лелеять эту бесценную энергию большой безусловной любви, которую воспитали в нас наши родители. Казалось, что небо радовалось вместе с нами, посылая тёплые майские дни, один ласковее другого. В течение всей недели мы перебрали всю родню, восстановили родословную, начиная с 19 века, всех бабушек, дедов и прадедов. Просматривали семейные фотографии и даже продублировали фото нас троих 35 лет тому назад, и все хором про-

комментировали: «А всё равно мы ещё такие красавчики!»

С радостью вспоминали песни мамы и отца, пели свои пионерские, Сергей не выпускал из рук гитару. Читали стихи из школьной программы, бравирова в шутку своей неутраченной памятью. Сосчитали сколько нас родных теперь стало в трёх семьях и получили хорошую цифру – 40 человек! Смех не смолкал целую неделю. Шутили, вспоминая проказы из детства и юности, загадывали самые смелые проекты.

Конечно же, одной недели нам было ничтожно мало. Она пролетела, как мгновение. Невыносимые усилия прилагались, чтобы не грустить в минуты нашего расставания. Какая-то чудовищная несправедливость, непонимание висели в пространстве и такая досада от внутреннего вопроса – почему? Почему мы вновь должны расстаться? Ведь вместе было так хорошо, и каждый в глубине души тщательно прятал самый тайный вопрос: Сколько? Сколько времени отпущено нам ещё, чтобы осуществить следующую встречу при жизни?

После этого свидания прошло уже пять лет, мы по-прежнему общаемся в сетях, все, слава Богу, живы и здоровы, а наша семья между тем увеличилась ещё на двух человек! Жизнь продолжается, и она прекрасна!

Евгений Ямшитов

День рождения

В большинстве семей нашей страны традиция праздновать день рождения одинакова и неизменна: уборка, украшение дома, суета на кухне, салаты, варка, парка... И цель всегда стоит одна, любой ценой успеть до прихода гостей! Всё как у всех. И, как обычно, что-то где-то упускается, не успеваётся, не досаливается или наоборот. И когда приходишь к финишу подготовительного марафона, и уже накрыт праздничный стол, приходит утешительная мысль – ух ты, какие мы молодцы, успели! Хотя накануне времени было предостаточно. Тут никуда не деться – любим мы всей душой долго запрягать! И остаётся главное, в последний момент успеть посмотреть на себя в зеркало, убедиться, что твой внешний вид сегодня соответствует празднику, твоему или родных сердцу людей, и ты ничего не забыл.

А потом начинается самое интересное: встреча дорогих гостей, поздравления, подарки, угощения с плавным переходом от холодных закусок к горячим и обратно, песни с приплясом, разделение гостей на кружки по интересам, обсуждение наболевших вопросов в стране. Рыбалка, охота, творчество, садоводство, кулинария так же не выпадают из нашего

внимания и, конечно, венец всего торжества – торт с горящими свечами. Трогательно, красиво, незабываемо!

И почти в том же порядке, но уже по убывающей, праздник завершается. Проводы гостей, уборка, и только когда ставится финальная точка, приходит удивительное чувство радостной усталости и удовлетворённости.

В тот год, лет пять назад, всё шло по-обычному сценарию без особых изменений, схема отработанная! Быстро пролетел день, разъехались гости, но что-то пошло не так в самом конце праздника. День рождения моей дорогой, любимой супруги Екатерины заканчивался слезами на её глазах...

И кто бы мог подумать, что причиной непонятных внутренних переживаний явится мой сюрприз, который я приготовил на вечер. Обычный китайский воздушный фонарик, который своим изящным горящим полётом всегда придавал особую теплоту праздничному настроению.

Для полного эффекта мы дождались позднего летнего вечера, когда на небосклоне появились первые звёздочки. В полном семейном составе мы с ребяташками вышли для запуска фонаря.

– На старт! Внимание! Обратный отсчёт! Поджигаем!

Фонарик внутри начинает заполняться тёплым воздухом, от горящего топлива расправляя свою форму в виде вытянутого шара.

Все, затаив дыхание, наблюдаем за происходящим процессом на фоне звёздного сказочного неба. Супруга в этот момент загадывает желания! Но видимо желаний оказалось так много, что фонарик долго набирал силы, чтобы оторваться от моей стартовой руки. Я-то не понаслышке знаю, как лётчик, что такое перегруз воздушного аппарата на взлёте и бережно помог ему по-дружески, подбросив нежно вверх.

И он поплыл! Забавляющее зрелище и не передать всей полноты эмоций, фонарик удалялся всё выше и выше от земли и всё дальше и дальше от нашего села Карлушка. Мы видели стремительно удаляющуюся, горящую точку, пересекающую Чуйский тракт по направлению к горе Ух-Тюба,. Мы с детьми радостно махали ей вслед в надежде, что все желания нашей мамы сбудутся. Ещё немного и мы простимся с волшебным фонариком навсегда! Как нам иногда не хватает сказочных моментов в обыденной жизни, подумал я, и вот на тебе: на фоне звёздного неба удаляющийся, светящийся фонарик перестал удаляться, как будто остановился и задумался.

Передумал лететь дальше и стал возвращаться в сторону села. Обратным курсом фонарь пересёк всё село и со снижением начал приземляться предположительно в районе карьера, куда и побежали наши дети в надежде найти воздушного бродягу. Дальше стало понятно, что он и там не захотел приземляться, взяв обратный курс в сторону нашей улицы

и в сопровождении бегущих за ним ребяташек, на удивление всем стал снижаться возле нашего дома. Залетев во двор фонарик стал плавно опускаться, мне ничего не оставалось как просто подойти и протянуть ему ладонь, с которой он взлетел совсем недавно, унося с собой загаданные желания любимой. Все стояли молча, обдумывая произошедшее событие.

Первой ко мне подошла Катя – виновница торжества. Она вытирала слёзы рукой, как маленькая девочка, которую обидели, забрав любимую игрушку, и тихо сказала мне: «Неужели всё то, что я загадала не сбудется!?»

Я обнял и поцеловал жену в щёчку, взял за руку и сказал: «Непременно всё сбудется, ведь наше счастье в наших руках!»

Мы продолжили наш долгий, необычный вечер уже за семейным, накрытым столом с вкусным чаем из дровяного самовара и остатками праздничного торта.

P.S. Обгоревший, потрёпанный ветром воздушный фонарик счастья долгое время висел на гвоздике дома, напоминая нам о том необычном, праздничном вечере, свидетелями которого стала вся наша семья.

Оксана Хлопотова

Сестре в день Рождения!

Август падал в ладони ночным звездопадом!
Дни касались деревьев последним теплом,
И как ангел крылами, запущенным садом
Согревал и хранил нас отеческий дом.

Помнишь, звезды в ночи, что ложились в ладони,
День рождения твой между яблонь в саду
До утра, пока солнце вершины не тронет,
И как яблоки падая, рвали листву?

Мы – смешные, совсем еще юные были
И дружили, мечтали и жили в мечтах.
По кому-то страдали, кого-то любили,
Песни пели об алых своих парусах...

Нынче август нас тоже теплом не обидит,
Наши дети кружочком сидят у костра.
Что запомнят они, что душою увидят,
В унисон ли стучат их родные сердца?!

Август падает в руки ночным звездопадом,
Да и солнца в достатке, нам хватит тепла!
И печалиться, милая, нам пока рано,
Мы едины с тобой, как любовь и мечта!

2016 г.

Дочке

Вертится глазастая девчонка,
Что вчера качалась в колыбели
И уже подводит глазки тонко,
И не за горой её апрели.

Вертится пред зеркалом «мартышка»,
Броши и сережки примеряет
И румян накладывает лишка,
Отраженью глазками стреляет.

Я молчу. Мне защемило сердце,
Словно и не вижу за вязаньем,
Как уходит в двери её детство...
Видеть это – тоже наказание.

Маме

Самые светлые чувства – ей,
Самые теплые мысли – ей,
Добрые руки, нежное сердце,
Место, где можно душою согреться –
С ней.
Руки, что пахли ванилью и хлебом,
Солнечным зайчиком, ветром и небом,
Гладили голову маленькой дочке,
Что выводила первые строчки:
Ма-ма, ма-ма, ма-ма!

Мама

Мама... В глазах бесконечное лето,
Сколько сердечности, доброго света,
Сердце больное досталось от Бога...
Дети – отрада, и дети – подмога.

С нами училась, дышала и пела,
С нами грустила и даже болела,
С нами любовью первой страдала,
Каждой из нас, как себе доверяла.

Сколько работы тяжелой не женской,
Сколько обиды, печали вселенской,
Сколько всего на тебя навалилось,
Хрупкое сердце так рано разбилось.

Как же ты, милая, все выносила,
Детям дарила душевные силы,
Людям – улыбки и теплые речи,
Дом не по-женски взвалила на плечи.

Словно атлант наше небо держала,
В вечном долгу пред тобою мы, Мама!

Золотая звезда

(Сестре)

Зима, середина, суровый январь.
Пишу я тебе, и несмелые строчки –
Вы так одиноки! Волшебный фонарь
Вам путь освещает от точки до точки.
Не думай о том, что зима, холода,
Не думай, что так надоели метели,
А думай, что кончится скоро она,
И что заиграют на солнце капли,
О том, что весеннее небо светлей.
Пусть солнце не греет, но светит и слепит,
Пусть больше не будет в саду снегирей,
А солнышко почки набухшие встретит.
Подумай о доме, о том, что зима
Всего-то лишь временна, зыбка, не вечна.
О том, как тоскливо качалась луна,
Завидуя звёздам – счастливым, беспечным.
А ты для меня – Золотая звезда,
И мой небосвод, как квартира пустая,
Так холоден. Лишь на востоке всегда
Не солнце, а просто – Звезда золотая!

Сестре

Крыльца не дрогнет половица
Под незнакомою ногой,
Оно скрипит, ему кряхтится –
Нарушили его покой.
А ты вошла прямо, как свечка,
Легка, как утренний туман,
Скорее вымолви словечко,
Скажи, что это не обман,
Что в дом родной, в мои пенаты,
Тебя недаром занесло,
Мои раскинутые карты
Пусть бросит сквозняком в окно.
Ты в картах – дама, королева...
Ко мне без свиты? Ты одна?
Со старым песенным напевом
Погладишь рыжего кота.
Что изменилось в этом мире?
В нем я кажусь тебе старей?
Да, стали окна в доме шире,
Длиннее руки у ветвей.
Моя любимая сестренка,
Воспоминая не гони,
Ты уезжала, был котенком
Тот старый кот, что у двери.
И пусть не будет в доме света,
Его не будем зажигать,

Все яблоки опали без тебя в саду у дома,
Тропинка пригорюнилась, она нам так знакома.
Следы твои занудливым дождём не раз размыты.
Я обещаю, мы еще споем мотив забытый.
Все яблоки опали без тебя, и август плачет,
А я тебе, хорошая моя, сулю удачу.
Пуškai почаще этот старый дом тебя встречает.
Нам одиноко с ним вдвоем, и он скучает.
Пуškai порою за окном метель и выюга,
Я знаю, мы еще с тобой нужны друг другу.
Запомни истину одну – не в деньгах счастье,
А в том, что мы вдвоем
 пройдем сквозь все ненастья!

Теплый вечер всегда продолжение дня...

Я еще молода, коль рожаю детей,
Значит, дети – Весна, а весною капель
Точит камень тоски, что есть в каждом из нас.
Наши дети – всегда продолжение нас!
Наша дочка, без слов, продолженье отца
От излома бровей до овала лица,
А о сыне еще рано мне говорить,
Он пока что мастак лишь пеленки мочить.
Очень счастлива я – дети есть у меня,
Теплый вечер всегда продолжение дня.
За окошком жара или дождик стучит,
Продолженье меня в колыбели кричит...

Дом

Дом мой – поле молодое,
Крыша – небо, стены – сосны.
Радость, как вино хмельное,
Проникает через росы,
Через вены, через веки,
Через губы, через запах.
Радости живой побеги
Я ищу в весенних травах.
Радость, что живёт и дышит,
Радость, что питает душу,

Проникает через крышу,
Светит звёздами наружу.
Дом мой – поле молодое,
Крыша – небо, стены – сосны,
Это всё моё, родное –
Неба синь, поля и звёзды...

Есть дом, который строила сама,
В нем часть души и вся моя судьба,
Фундамент крепок, стены и конек,
В нём светит всем нетленный огонёк.

Весёлый колокольчик у дверей,
И кресло у огромного окна,
В которое любитесь луна,
И звёзды мириадами огней.

Благословенны в доме вечера.
И дни, и ночи тоже хороши.
Дом – для моей измученной души,
Он будет вечно, завтра и вчера.

В нём смех звучит, и музыка, и стих,
И дом звенит и радуется песне.
В нём стол большой нас собирает вместе,
И сердце с сердцем в унисон стучит.

Дом мой – крепость моя,
Дом мой – солнечный сад,
И малины кусты,
И черемухи град.
Дом, где в детские сны,
Вдруг, вплетается суть,
Дом, где мы рождены,
Где легко отдохнуть.
Дом, где любят и ждут,
Дом, где ярче заря,
Где соседки про нас
Говорят почем зря.
Дом, где белый плетень
От березовых жил,
Дом, где в школу пошёл,
Дом, где песню сложил,
Где впервые любил
И шутил невпопад.
Дом мой – солнечный сад,
И черемухи град...

Деревня

Я раньше у бабушки летом в деревне жила,
Под окнами – тонких черемух волшебное кружево,
Тропинка в садочек малиною вся заросла,
И голос родной, что при сумерках звал нас поужинать.
Я раньше у бабушки летом в деревне жила
И нынче приехала с тем же былым настроением.
Лишь бабушка та же и так же нам всем дорога,
На стол выставляет блины с молоком и вареньем.
Но что-то случилось, случилось с деревней моей –
Дома покосились и светятся окна заплатками
И скоро, наверно, совсем не останется в ней
Мальцов-стригунков, зажигающих с грязными пятками.
Одни старики и, как будто больное село,
Не слышно гармони, заплот перекошенный валится,
И поле, что раньше гречихою густо цвело,
Совсем не засеянным нынче – полынью печалится.
Я раньше у бабушки летом в деревне жила,
И лес был богат, и ломились корзинки от тяжести,
А может, кто помнит, какая рыбалка была,
И сколько у нас, ребятишек, тогда было радости!
Так что же случилось, случилось с деревней моей?
Ни ягод, ни леса, ни рыбы теперь и ни озера,
Лишь черные руки сухих от земли тополей,
Что сами засохли, а может зима заморозила.
Так что же случилось, случилось с деревней моей?
На что, дорогая, скажи, ты так сильно обиделась?

Быть может, что дети родимых тобой сыновей
Здесь жить не хотят, или с ними давно ты не виделась?
А может на то, что леса, что шумели вокруг,
Навеки теперь топором и пилой покалечены
И нет здесь хозяйских, по-доброму праведных рук,
И ты умираешь, как горем убитая женщина?
Так что же случилось, случилось с деревней моей?
Под окнами тонких черемух волшебное кружево,
Да черные руки сухих от земли тополей,
Да голос родной, что зовет нас на сумерках ужинать.

Дмитрий и Иван Зяблицкие

1. Иван

Мужчиной в армию ушел в тридцать девятом,
Писал жене, не ошибаясь адресатом.
Винтовка, вросшая в плечо, кирза, портянки
И дружба крепче, чем сама броня у танка.
Любил жену и много знал походных песен,
А мир казался светел, прост и интересен,
Такой, каким бывает он лишь только в двадцать.
Ивану не было причин не улыбаться!
Ещё чуть-чуть и будет дембель, будет встреча,
Жена красавица обнимет нежно плечи.
Но вдруг, как обухом – ВОЙНА, передовая,
Земля в огне и кухня полевая.
Как страшный сон, земля в дыбы вставала,
А армия позиции сдавала.
Их бросили на самый край и самых первых
Туда, откуда не вернулись бы наверно.
Судьба распорядилась по-другому,
Он сел на танк, танкистом стал и, к слову,
Крушил врага безжалостно и рьяно.
Их в экипаже было два Ивана.
Горели избы в деревнях, земля горела,
Не раз костлявая с косой в глаза глядела,
И ей Иван смотрел в глаза – горел он дважды,
Но выжил, победила жизни жажда.
Верхом на танковой броне, прошёл полмира,
Он нёс, как флаг, любовь к жене и честь мундира.

2. Дмитрий

После тяжелого дня, после работы шальной,
Тихо сигарку смоля, он возвращался домой.
Дома девчонки одни, бабий такой батальон.
Знал, что в родное село скоро придёт почтальон.

Чуть на порог он шагнул в доме,
 как будто пустом,
Почту уже принесли –
 мысль промелькнула хлыстом.
Видя заплаканных баб:
 «Что это вы, не пойму?»
– Ванька, наш Ванька сгорел, –
 кинулись бабы к нему.

Черные тени легли,
 губы сомкнулись сильнее,
Ванька был старший в семье
 из четырёх сыновей.
– Дайте-ка мне прочитатъ,
 что же вам там принесли,
Вот же написано здесь –
 «сына Ивана спасли».

Думал, всю ночь не сомкнул глаз,
 воспаленных войной,
Утром простился с детьми
 и почерневшей женой.
Сам добровольцем пошёл,
 было – почти пятьдесят.
Долго он слышал,
 как в след бабы ему голоса.

3. Встреча. Дмитрий.

Дальше война и военные будни, и серые дни,
Шел он под строки из пуль и под скрежет брони.
Осенью яркой в том сорок третьем, как всполох огня,
Встретил он сына Ивана на фронте. Медалью звеня,
Сын, возмужавший с сединками в черных висках,
С жестью какой-то в задумчивых карих глазах.
– Между Днепром и Миусом был яростный бой,
Танками их прикрывали, как будто собой.
Ну, а когда уже нашей высотка была,
Все, кто остались, собрались кружком у костра,
Выпили молча за тех, кто уже не споёт,
И затанули задумчиво «завтра в поход...»
Тут он по голосу сына-Ивана узнал,
Мир сразу яркими красками вмиг заиграл!
К слову, был вечер, вовсю догорала заря,
Мать за Ивана, наверно, молилась не зря!
Завтра опять будет бой, будет смрад, будет дым,
Кто-то уснет навсегда, вечным сном молодым...
Встретился с сыном нечаянно, словно во сне,
Завтра – к победе и той долгожданной весне!

4. Лагерь. Дмитрий.

С легкой душой, налегке Дмитрий на запад шагал,
Где-то на Одре в бою, пулю свою схлопотал.
Только очнулся в плену: лагерь, колючка, барак,
А по периметру – смерть, лай разъяренных собак.

В лагере встретили смерть сотни детей, стариков,
Жгли в крематорских печах и молодых мужиков,
Газом травили людей, как одичавших собак,
Злые фашистские псы, мир превратившие в мрак.

Дмитрий погиб, но поля, что удобрялись золой,
Напоминали о нём, каждой цветущей весной...

P.S.

И вместо похоронки, что геройски...
Сухая строчка – «без вести пропал...»
Лишь сын ничком к земле родной припал,
Раскинул руки, будто обнимал...

Дочери

Назови меня «мамочкой» с нежностью в голосе, дочка!
Я хочу, чтоб ты знала, как сильно тебя я люблю.
И судить не спеши, объясню я потом, если хочешь,
Как училась терять и заковывать сердце в броню.

Ты прости мне обиды и страхи пустые из детства,
Может быть, для тебя я не самая лучшая мать.
И не прячь от меня свое хрупкое, нежное сердце,
Я не стану его, как хрустальный бокал разбивать.

Мы с тобой так различны и так бесконечно похожи,
Я безумно горжусь тобой, взрослая умная дочь!
Знай, что счастье твоё в сотни раз моего мне дороже,
Ну, а горе твоё – для души непроглядная ночь.

Дочка, помни и знай, я все время тобой восхищаюсь,
И стихийность натуры ты тоже взяла от меня.
Словно в юность свою
я с тобой сквозь года возвращаюсь,
Но мелодия жизни сегодня звучит для тебя.

Я хочу, чтобы ты никогда-никогда не страдала,
Чтоб любовь и мечта – для тебя все сбывалось, шутя.
Чтобы зрелость души твоей в счастье и силе настала,
И звезда, что мне светит, однажды зажглась для тебя!

Я слишком мало знаю о войне

Я слишком мало знаю о войне,
Когда-то в раннем детстве у окошка
Мой дед, носивший фляжку на ремне,
Мне про войну рассказывал немножко.
Я помню запах дедова плеча
И терпкий вкус дымившей самокрутки,
Бывалый вид сапог из кирзача,
Да деда незатейливые шутки.
И синим – вены на большой руке,
Что нас спасала в яростной атаке,
Четыре долгих года в кулаке,
Готовая к большой кровавой драке.
Рассказ о том, как в танке он горел,
И пересохшим ртом кровавых трещин
Не замечал, огонь внутри кипел
За дом и кров, что предками завещан,
За плачь и стон, стоявший на земле,
Поруганной и взрытой сапогами,
За города, что в пепле и золе
Лежали между западом и нами.
И шёл мой дед, стирая сапоги,
И тысячи сапог, стирая ноги,
Купались в потом смоченной пыли
Бескрайнего Отечества дороги...

Н.А. Золотаревой, сестре моей бабушки

Прожила моя бабка сто лет, на сто первом я в гости пришла,
А она мне с порога: «Привет, а бутылочку ты принесла?»
Жизнь её – и война, и печаль, и мужей и детей хоронить
Приходилось, но только росла в ней самой
жизнелюбия нить.

Приходилось и горькую пить,
чтобы выжить и землю копать,
А душа продолжала любить,
а душа продолжала прощать.
Волос белый, но ясны глаза, без зубов чуть проваленный рот,
И глядит изнутри красота, и глаза все в лучинках забот.

Времена, времена, времена...
Жизнь прекрасна и, как ни крути,
Забывались врагов имена, что встречались на долгом пути,
А друзей и любимых хранит
где то память в отдельном мешке,
Только сердце порою болит, только шрамы всегда на щеке –
Бороздами ожоги легли, на когда-то красивом лице.
Я уже собралась уходить,
незаметно всплакнув на крыльце.
Моей бабке сто первый пошел!
Стыдно – редко я в гости хожу,
Вот приехать бы и погостить.
Ты живи только дольше, прошу!

Возвращение...

Мы приехали, мы приехали, открывайте скорей ворота,
Отдаленными гулками эхами откликается пустота.

Мы приехали, только нет уже

ни тропинки, ни дверки в сад,

Но не верится, все не верится, и не знаешь, кто виноват.

Позабыто все, позаброшено, стариков уж нет, и быльем

Все затянуто и разрушено то,

что раньше звалось жильем.

А когда-то ведь смехом, песнями

был наполнен родимый дом,

И встречали, и провожали нас у черемухи под окном.

Целовались все, пили, плакали,

а плясали... – гармонь рвалась!

И бывало здесь в жизни всякое,

а однажды и я родилась.

– Мы вернулись, встречайте, – крикнули.

Тяжесть лет серебрит висок.

Не воротами, сердцем

скрипнули нам в ответ ветра, да песок.

Синий Ёж

Жила была обыкновенная семья. Мужчина и женщина и две девочки, дочки женщины от первого брака, одной из них была я. Мы часто бывали у матери нашего отчима бабы Гали в гостях и чувствовали себя настоящими родными внуками, во всяком случае, никто никаких различий не делал. У нашего отчима от первого брака были тоже две дочки, они жили со своей мамой в городе и на лето всегда приезжали к бабушке. Мы все между собой очень дружили.

Однажды в обычный летний день бабушка попросила меня подновить наличники на окнах, я была старшая среди девочек, мне было уже 12 лет, к тому же довольно рослая. Она дала мне две баночки с краской, кисточку и старенькую довольно хлипкую лестницу. В одной баночке была синяя краска, а в другой белая. Самый распространенный цвет деревенских наличников синий с белыми узорами, окна бабы Гали не были исключением. Я довольно быстро справилась с поставленной задачей. Наличники были покрашены.

Но вот же беда, у меня осталась краска и, подавшись творческому порыву, я решила нарисовать на фасаде прямиком между окон белый цветок с синей серединкой и голубыми прожилками. Прикинула, что у меня будет шесть белых лепестков.

Рисовать на бревнах оказалось жутко неудобно. При малейшем движении лестница норовила сломаться, она кряхтела, скрипела, и от неё отваливались трухлявые гнилые кусочки. Когда я рисовала пятый лепесток, меня за этим занятием застукала мама. То ли от испуга, то ли от резкого движения я свалилась с лестницы, у которой в этот момент сломалась нога, остатки краски окрасили траву и ствол старого клёна.

Мне всыпали за самостоятельность, отмыли керосином, пожалели, так как падая, я изрядно ободралась, но дорисовать цветок не разрешили. Кажется, отчим собирался его сострогать.

Вечером мы с девочками всегда пели песни на крыльце, ритуал у нас такой был перед сном. Мы пели песни, которые знали со школы или из пионерского лагеря, девочки привозили нам неизвестные песни из города. К концу лета мы знали их песни, а они наши. В этот прекрасный, тёплый, летний вечер мы, сидя на крыльце пели, слушая, как иногда, с глухим стуком падают о землю спелые яблоки. И вдруг, в траве мелькнуло что-то синее, и оно двигалось. Забыв про песни, все бросились догонять это синее пятно, которое очень шустро от нас улепётывало. Изрядно набегавшись, оно вдруг замерло, а мы разглядели свернувшегося в клубок синего ёжика, спинка которого была в той самой синей краске цвета наличников.

P.S. Прошло много лет, мне уже 53 года, давно нет мамы, бабушки и отчима и у дома сменилось

минимум пять хозяев, но проезжая через Эликманар, можно увидеть на стареньком доме по адресу Советская, 100 выцветшие голубые наличники, белый цветок похожий на ромашку из пяти лепестков и старый клён, которые в одну секунду могут вернуть меня в мои двенадцать лет, к маме, бабушке и синему бедолаге-ёжику.

2024 г.

Хотела, как лучше...

Был у меня такой случай в детстве моём босоногом, который я хочу вам поведать. Когда жива была мама, коровы у нас не было, посему брали мы молоко у соседей идти недалеко и молоко – домашнее, жирное, вкусное. И была у меня привычка, которая обычно у всех детей бывает, ходить за молоком нужно было не по дороге, а непременно по местным пригоркам.

Мама кидала в бидон рубль, вручала его мне, и я шла вдоль горы к соседям. Иногда я приходила рано и ждала, когда баба Люся подоит корову, сидела на брёвнышке и болтала ногами. Рядом тёрся соседский пушистый кот, который тоже ждал молока. Мы с котом щурились на заходящее солнце и довольно улыбались. Это был самый улыбчивый кот во вселенной, а вот как его звали, уже не помню. За спиной торчал в вечном молчании небольшой каменный утес, который любили деревенские козы.

Однажды очередным теплым июльским вечером отправила меня мама за молоком, иду я по горе и вижу, на самой вершине этого утёса растёт большой куст крыжовника, и ведь не вчера он там вырос, почему я его раньше не замечала? А заметила я его потому, что ягоды поспели и свисали вместе с ветками. Корову ещё не подоили, и я решила, что мама не обидится, если вместо молока крыжовника принесу. Недолго думая, полезла за крыжовником по узкой, каменной, козьей тропинке, но очень скоро поняла, что я не коза, оказывается. Приходилось буквально распластываться вдоль скалы и бидон мешался.

– Ладно, – думаю – долезу до куста, а дальше что? Как собирать ягоду в таком состоянии?

Слезла со скалы и, приговаривая про «умного, который в гору не пойдёт», решила двигаться в обход. Обогнув утёс, зашла со стороны леса, заметила, что темнеть начинает, но не отступать же, подошла к кусту вплотную. Наконец открыла крышку и начала собирать крыжовник. Крупные, розовые ягоды приятно стучали о дно бидона, я, конечно, увлеклась и оступилась, когда подошла вплотную к краю. Было темновато и трава, свешиваясь, закрывала край утёса, падая, я обеими руками ухватила за колючие ветки куста, он, оказывается, тоже не очень-то и держался, и мы катились с ним с горы до самого бревна, где обычно встречались с котом. Кота на месте не было, потому, что бабушка давно подоила корову и накормила своего «улыбаку».

А я, растопырив ноги и руки, вся в колючках по-

шла сдаваться матери. Мне, естественно, высыпали дома, бидон я оставила на утёсе, деньги потеряла, молока не принесла.... Мама, приговаривая: «Горю ты моё!» – вытаскивала из меня шипы, мазала зелёной ободранные коленки, а я беззвучно плакала, потому, что обещали добавить.

А я точно, хотела как лучше...

2023 г.

Любовь Семенцова

Монгольское

Собрались мы тогда интересно:
Чемодан на двоих один,
И помчал нас в страну чудесную
Скорый поезд «Москва – Пекин».

Нет персон там особо модных.
Мода в юрте – сплошной обман.
А в озёрах больших, полноводных,
Что ни рыба – то древний осман.

Хочешь, слушай симфонию вьюги.
Далеко, далеко, друзья...
И ночами на всю округу
Только радио, звезды, да я.

Край непуганой вольницы птичьей.
Край разъезженных пыльных дорог.
И в бескрайней степи, как в притче,
Белой юрты манящий полог.

Слышим русскую речь всё четче.
Здесь по-нашему говорят!
И встречает нас бывший летчик
Эскадрильи «Монгольский арат»!

Повезло нам – такая встреча!
Разговор обо всем подряд.
Но уж поздно, сгустился вечер,
В небе первые звезды горят.

Едем дальше при лунном свете.
Крокодилами горы лежат.
– Где-то здесь проживает йети, –
Наши спутники говорят.

Через вал Чингисхана – в вечность
Историческую окунусь.
Цаган-Нур. Перевала плечи.
Мой любимый Советский Союз!

Монгольские зарисовки

*(Рассказ о том, как мы замерзали.
Но не замерзли.)*

В темноте бесновался ветер,
Наш УАЗик сломался в пути.
И теперь ни за что на свете
По снегам до жилья не дойти.

Этой страшной морозной ночью
Я, с ребенком грудным в руках,
Молча слушала песню волчью,
Что поет над душою страх.

Ты – раздетый, лохматый, голодный –
Как большой бесприютный пёс,
Нам отдав полушубок тёплый,
Грелся куревом у колёс.

Бог послал нам тогда машину.
И, конечно же, всех спасли,
Затолкнув пятерых в кабину,
Нас от гибели увезли.

Но, когда мне бывает туго,
Вспоминаю всегда светло:
Ночь. Монголия. Злая выюга.
И шершавых ладошек тепло.

Август

Высокогорное синее небо
Голову сносит на первых порах.
В лете таком ты давно уже не был.
Август – клубника и снег на горах,
Это безумная роскошь созвездий,
Сытых медведей следы на тропе,
Белых дождей бесконечная песня,
Мысли мои о тебе...

2022 г.

Борис Семенцов

Приходит опять весна

Однажды начнёшь свой путь
От дома, где жил давно.
Вернуться обратно, друг,
Тебе уж не суждено.

Пойдёшь по тропе судьбы
Далёко за горизонт.
Отыщешь вежи-столбы,
Найдёшь и свою любовь.

Ещё тебе предстоит
Для песни создать слова.
Собрать всех друзей своих:
Дорога всегда права!

Шагай же, шагай, мой друг,
Дорогою непростой.
Пути, города разлук
Оставь за своей спиной.

А жизнь красотой полна,
И птица гнездо плетёт.
Приходит опять весна,
И тает апрельский лёд!

Подземная река

(Из серии «Рассказы Психолога»)

Григорьев – такая фамилия досталась ему от родителей. Товарищи Григорьева по геологоразведке часто называют его Психологом. Настолько часто, что прозвище давно превратилось в его новую фамилию, на которую эхом отзываются горы Русского Алтая уж более 30 лет.

К полудню Психолог оказался вблизи очередной вершины очередной безымянной горы, уютно разместившейся недалеко от места схождения границ Монголии, Горно-Алтайской автономной области и Тувинской Республики СССР. Все окружающие горы являли собой северное окончание хребта Монгольский Алтай, представленное хаотичным скоплением острых пиков гор и глубоких долин водотоков.

Какой же чёрт заставил Психолога проложить свой очередной геологический маршрут на вершину безымянной горы? Никакой чертовщины, конечно же, не было: его интересовали полезные ископаемые района контакта гранитов с черносланцевыми толщами среднедевонского геологического возраста. Множество геологов-предтеч утверждали, что с черносланцевыми горными породами связаны крупные месторождения золота. Психолог мало верил предтечам, поскольку сами они не смогли най-

ти здесь крупного месторождения золота. Однако же, чем чёрт не шутит, а вдруг?.. Припомнились и фантазии-былины Ивана Ефремова о нахождении месторождений золота, олова, ртути, полиметаллов именно на остроконечных вершинах гор или – на худой конец – на таинственных берегах горных озёр. Увы, за полдня лазания по крутякам скально-глыбового склона горы ему не встретилось никаких полезных ископаемых в черносланцевых породах.

– Эх, предтечи – разочарованно вздохнул Психолог.

Попутно он рассчитывал найти здесь геологическую границу между черносланцевыми толщами среднедевонского и верхнедевонского геологического возрастов. Однако же, не оказалось на склоне горы и желанной геологической границы. Попробуй-ка понять, к какому геологическому возрасту относится то или иное обнажение абсолютно одинаковых черносланцевых горных пород – ни окаменелостей ракушек, ни этикеток с надписями: «Налево пойдёшь – верхний девон найдёшь. Направо пойдёшь – будет тебе средний девон»...

Психолог, вконец разочарованный в своих лучших надеждах, устроился на отдых среди невысоких гранитных скал. До скальной вершины горы оставалось пройти или пролезть (?) не более ста метров, и пролазить эти метры по гранитным скалам Психологу не хотелось весьма совершеннейшим образом. Поэтому он решил пересечь по горизонтали небольшой, метров в 30, привершинный участок горы,

прикрытый глиняным грунтом, до гранитных скал. Эта идея могла сэкономить как силы Психолога, так и его маршрутное время.

Посидев на дорожку и выкурив «беломорину», Психолог неторопливо (поспешишь – людей насмешишь) начал намеченный траверс. После первых же шагов он понял, что выбрал наихудший вариант маршрута. С каждым вновь пройденным шагом всё невозможнее было отступление к спасительным гранитным скалам и всё невозможнее было продолжение намеченного пути. Проклятуший глиняный панцирь оказался более крепким, нежели это предполагал Психолог. Оказалось, невозможным использовать для облегчения передвижения привычный геологический молоток: его удары не оставляли никаких следов на однородном панцире глин, превращённых ярким солнцем в некое подобие бетона. С каждым шагом увеличивалась и крутизна склона. Одна только надежда на модуль Юнга, да на силу трения подбадривала Психолога в его очень опасной затее.

При срыве с панциря ему предстояло катиться кувырком по твёрдому монолиту склона метров не менее 500, и только потом – если повезёт уцелеть – оказаться в спасительных глинисто-щебенистых осыпях, спускающихся еще на 500 метров до водной глади безымянного озера у подножия крутяка.

– Никаких мыслей о спасительности глинисто-щебенистых осыпей – приказал себе Психолог – надо продолжать начатый путь. Только в этом дей-

стве заключено спасение в виде стоящих впереди гранитных скал.

Итоги первого этапа траверса удручали: циферблат часов вполне определенно показал, что 7 или 8 метров он преодолел за 20 минут. Обратного пути, как понимал Психолог, не было. Никакие силы не могли заставить его изменить выбранное направление движения. Поворот назад – это стопроцентный срыв с ненадёжной опоры и весьма вероятная смерть.

– Хорошо, что в маршрут я пошёл один, без радиометриста, хоть это и строжайше запрещено всеми Правилами проведения геологоразведочных работ. Никаких взглядов по сторонам или вниз. Смотреть только вперёд и под ноги!

Психолог продолжил осторожное перемещение по глиняному панцирю, оценивая возможную длину каждого следующего шага и стараясь ставить резиновые подошвы ботинок параллельно склону.

– Отлично, что ботинки пока сухие и не скользят по твёрдой глине.

Его окружала звенящая тишина. Ни дуновения ветерка, ни птичьих голосов. Казалось, Психолог остался один-одинёшенек на всей планете. Даже Время для него приобрело некое физическое состояние, обволакивающее всё пространство вокруг наподобие киселя и заставляющее Психолога продирается сквозь него, прилагая неимоверные усилия. Пот заливал глаза, тёк по лицу и лился на давно уже мокрый – яркое солнце гор не могло его высушить

– геологический костюм. Глаза не могли оторваться от элементов микрорельефа глиняного панциря, пытаясь найти некие «зацепки» для очередного шага – «переступа» горного ботинка.

Вскоре тишина, окружившая Психолога в его смертельном пути, была нарушена звуками, невозможными для вершины горы с абсолютной отметкой почти в 3500 метров. Психолог прислушался. Ему послышался шум горной реки. Он осторожно повернул голову, пытаясь найти источник звука. Всюду его окружал монолитный склон глиняного панциря, и лишь далеко впереди виднелись невысокие гранитные скалы.

– Конечно же, это шум быстро текущей реки, но откуда же взяться мощной горной реке на вершине горы? На столь больших высотах – выше отметки снеговой линии – должны существовать вечномёрзлые скалы и вечномёрзлые несвязанные грунты! Откуда же тут взяться талой воде вообще и мощной реке в частности?

С каждым шагом шум реки усиливался. Психологу стало казаться, что в шуме реки образовался некий музыкальный ритм. Более того, в его мозгу вместе с ритмом начали звучать слова песни «Мы на лодочке катались золотисто-золотой». Неведомый девичий голос по-русски широко и игриво распевал «...Уж больно мне понравился молоденький мальчонка!»

– Чертовщина какая-то, – подумал Психолог и с трудом выплюнул сгусток слюны.

Это действо привело в норму его затуманенную горячим солнцем голову. Где-то совсем рядом тек мощный речной поток, но никакого русла этого потока Психологу не было видно. Ещё несколько шагов и глиняный панцирь стал подрагивать под его ногами.

– Подземная река! Вот оно что! Отсюда и шум стремительного горного потока, более похожего на рёв подземного водопада! Выходит, что между гранитными скалами и глиняным панцирем существует открытая полость, резонирующая от грохота подземных вод и заставляющая дрожать (от страха?) проклятуший глиняный панцирь, да заодно и меня.

Психолог облегчённо вздохнул: никакой чертовщины...

Подземная река-водопад, меж тем, грохотала и грохотала в недрах земли на глубине – может – в 0,3 – 0,5 метров, может – в несколько метров. Не умолкал и задорный девичий голос, поющий о любви к «молоденькому мальчонке». Нереальное сочетание привычных природных звуков с совершенно невозможным девичьим пением вовлекло Психолога в некое фантастическое действо, из которого, казалось, нет никакого выхода.

– Не провалиться бы в эту чёртову водопадную реку, – поразмышлял Психолог – оттуда ни за что не выбраться! Тогда точно хана! Вряд ли подземная река принесет меня, подобно героям приключенческих рассказов Джека Лондона, в некую золотинос-

ную долину или же в Волшебную страну Гудвина.

Самое же пренеприятное заключалось в том, что провалился он в реку, никто и никогда не сможет найти его тело. Дрожащими ногами он сделал еще несколько десятков осторожных – не провалиться бы – шажков-переступов. Грохот подземной водопадной реки постепенно затухал. Последним аккордом донеслись слова: «...Уж больно мне понравился молоденький мальчонка...». Психолог остановился, пытаясь оценить хотя бы ширину – не подземной реки – но ширину от шума, издаваемого подземной рекой.

– Метров 10-15, наверное.

Его упорство, наконец, было вознаграждено: посмотрев вперед, Психолог увидел спасительные гранитные – настоящие гранитные – скалы в каких-нибудь 1,5-2 метрах от себя. Это открытие придало ему новые силы, но и заставило ещё более внимательно осмотреть последние метры глиняного панциря. Обидно было бы свалиться в пропасть на последних метрах ужасающего траверса.

Он сорвался с глиняно-бетонного панциря, когда до спасительных скал оставалось не более полуметра. Уже падая, он ощутил пробуждение окружающего мира: зловещие крики хищных птиц, запахи раскалённых Солнцем камней и трав.

– Жаль, – пронеслось в голове – никто не узнает про открытую им подземную реку-водопад.

Более Психолог не успел подумать ни о чём. Его швырнуло на скалы мощным порывом взявшегося

ниоткуда вихря, именуемого монголами нехорошим русским словом из трёх букв. Такие вихри незаметны в степи и горах, но именно они одномоментно поднимают на высоту в десятки метров юрты, переплетённые крест-накрест веревками, на концах которых привязаны мешки с камнями весом по сотне килограммов...

Лёжа на гранитных скалах, Психолог поглощал одну папиросу за другой, наслаждаясь вновь обрётённой жизнью. К его удивлению, удар о скалы обошёлся без серьёзных увечий; ссадины и синяки – не в счёт. Рядом высыхал его геологический костюм. Наконец-то можно было в полной мере оценить выпавшее ему счастье совершения интереснейшего открытия мощной подземной реки-водопада на вершине горы. Ни о чём подобном Психолог не слышал ни от кого из друзей-геологов, не читал ни в одном учебнике по геологии или по гидрогеологии. Столь невероятная удача и восхищение открытием выпадают человеку не так часто в жизни; может быть, один раз.

– Ничего себе, счастье и удача, – размышлял Психолог, – на глиняно-бетонном панцире я испытывал только страх и ужас (Фобос и Деймос в греческом языке), какое уж там восхищение. Дальнейший маршрут до подножия горы – только по скалам безо всяких там спусков по щебнисто-глиняным осыпям! Никакая сила не могла заставить его совершить обратный траверс глиняного панциря и ещё раз на-

сладиться рёвом подземной реки-водопада.

Поразмыслив, он решил, что самое замечательное всё-таки было или заключалось в открытии именно им, Психологом, факта наличия талых вод и мощной подземной водопадной реки выше границы «снеговой линии» с априорно вечномерзлым состоянием скал и продуктов их разрушения! На этой удачной теореме он решил остановиться. Совершенно необъяснимым оставался красивый девичий голос, задорно распевавший о любви к «молодёнкому мальчонке» из земных недр. Хозяйка Медной Горы или бабка-Синюшка из уральских сказов Бажова – только они подходили на роль неведомой певицы.

Вот и основание каменной осыпи, в вершине которой проживает открытая им подземная река-водопад. Здесь Психолог через каждые 20-50 метров останавливался и прислушивался в надежде услышать шум воды в каменной осыпи. Увы, ему не посчастливилось услышать привычного шума невидимой воды, текущей меж камней в толще глыбовой «каменной реки», не посчастливилось увидеть никакого наземного ручейка. Подземная река-водопад, с которой он встретился на вершине безымянной горы, наверное, растворилась в толще несвязанных талых грунтов подножия склона.

– «... молоденький мальчонка!» – эхом прошестело мимо Психолога, заставив его мгновенно обернуться – а вдруг? Увы, никакой русоволосой

красавицы из уральских сказов Бажова – только эхо песенных слов, растаявших в лучах заходящего Солнца. Веря и не веря в произошедшее, он присел на ближайший камень в ожидании какого-нибудь прощального знака неведомой красавицы. Начинало смеркаться, и Психолог пошёл в полевой лагерь поискового отряда. Домой. Сказка, если она и была, закончилась.

Существует ли ныне безымянная река-водопад и встретился ли с ней кто-либо из геологов позже 1977 года – этого Психологу неизвестно. Вряд ли найдётся ещё один ненормальный геолог, которому – подобно Психологу – захочется тащиться на вершину безымянной горы, чтобы насладиться прекрасным или ужасным голосом невидимой реки-водопада, а уж повторить «психологический» траверс по бетоноподобному глиняному панцирю вряд ли придёт в голову даже ненормальному геологу.

Уже поздним вечером Психологу пришло в голову, что подземная река-водопад, и только она одна, пригласила его совершить сегодняшний маршрут-восхождение на безымянную гору, которых в Монгольском Алтае, наверное, тысячи. Пригласила именно его на свидание с собою. Пригласила пролезть безумно опасный траверс – и одарила именно его своей загадочностью и прекрасным голосом. И песню пела русскую только для него. Наверное, скучно стало ей в своих подземных «чертогах». Спасительный для Психолога вихрь и эхо «молодень-

кий мальчонка», несомненно, были прощальными подарками красавицы подземной реки-водопада.

Никакие геологические причины, которыми Психолог пытался отгородиться от произошедшего с ним чуда – только фантастически-сказочное приглашение на свидание с красавицей подземной реки-водопада, переданное ему невесть каким способом через пространство и – может быть – время, было истинной причиной всей жизни Психолога в его сегодняшний день.

Надежда Кетрарь

Буркины глаза

Эх, детство милое! Деревня
И Бурка – конь мой вороной.
Вот отчий дом – большой и древний,
Дед гонится с прутом за мной.

Любил в такие я минуты
Вскочить на Бурку – и верхом,
В одних штанах, да необутый
Мчать прочь от дома с ним потом.

Мой Бурка – верный и ретивый,
Лоснились темные бока,
Любил, встряхнув смоленной гривой,
Заржать, что слышно с далека.

Он – друг мой верный, мой товарищ,
Мне это время не забыть,
Когда с ним до ночи катались,
Он мчал со мною во всю прыть.

То ощущение ветра в поле,
Глоток свободы, нет забот,
Беспечность детская и воля,
Да светлых мыслей хоровод.

Ну, а как вечером стемнеет,
Мы возвращались с ним домой.
Пусть дед меня кнутом огреет,
Мой Бурка ждет во тьме ночной...

И годы детства вмиг промчались,
Их вспомнишь – набежит слеза,
Но в памяти моей остались
Большие Буркины глаза.

Где купить слона?

На днях дочурка учудила –
Купить слона ей все просила.
И не игрушку, а живого.
Ну, где же нам найти такого?
Бабуля плачет, в шоке дед.
Где взять слона – кто даст совет?
И не помогут в зоопарке
Другие гаджеты, подарки.
Вопрос для цирка тоже сложен.
Там скажут: «Слон вам не поможет».
Но как же дочке объяснить,
Что с ним в квартире тесно жить.

Детских лет качели

И где ж вы, детских лет качели,
Скалки, куклы, звонкий мяч?
Промчалось детство: плачь-не плачь,
Скорей стать взрослыми хотели.

Нет игр шумных у колодца:
«Шпионы», «салки», «казаки».
Из детства дяди – старики.
Никто «в атаку!» не несется.

А сад, где с радостью качалась,
Густым бурьяном весь зарос.
Постройки там, где был покос.
И речка сильно обмельчала.

Где песни пели на пригорке,
Теперь дома, дома, дома.
Не так уж радует зима,
И яблоч дички привкус горький.

Евгения Вунш

Как дерево питается водою,
Корнями прорастая в глубь земли,
Так женщина живет своей семьёю,
Кладя всю душу на алтарь Любви.
Ты венчена с супругом Небесами,
Вы рядом с юных лет и до седин.
Семья твоя богата сыновьями,
Похожими на папу, как один.
И дочка есть, красивая, смешная.
Глаза как омут, кудри по плечам.
Веснушки на лице так и сияют,
Даря улыбки любящим сердцам.
Молитвою душевною согреты,
Взаимно ладятся все общие дела.
И нет на свете большего секрета,
Чем тот, что перечислила здесь я.
Всё в вашей жизни ровно и привычно,
Накрытый стол, истоплена изба...
Дай Бог, и так же гармонично
Хранить уют семейного тепла!

Зинаида Бузырева

Мне, маленькой, мама объясняла, что такое коммунизм.

– Вот, что у тебя есть лишнее – понесёшь и положишь на прилавок на базаре. А что тебе нужно – возьмёшь, лишнее никто не хватает. И всё без денег.

Я так ждала, когда же он наступит! Подросла, говорю: «Это же утопия!» Ну, вот так мне пытались детским языком это описать. До сих пор помню очень ярко эту представленную картину.

Родители мои свято верили, что мы этот новый мир коммунизма построим. Мы выросли в этом, конечно, помним всё!

Современные дети никаких рассказов о прошлом слушать не хотят, очень мало знают, им ничего не интересно. Интернет захватил всё...

Александр Дударев

Мама!

Двадцать лет прошло, как один день,
Мама!
До сих пор в окно твоё глядим,
Мама!
Будет память вечно нам хранить
Эту хрупкую, живую нить,
О любви твоей нам говорить,
Мама!

Припев

Ты, небо, силы мне придай,
Тогда я снова полечу
В тот самый лучший в мире край,
Где я от радости кричу.
Вовсю кричу...
Я, мама, буду говорить
И разбиваться о печаль,
Сплетая тоненькую нить
В одну судьбу, где надо жить.
Я буду жить, я буду жить!

Мама!
Помню мама рук твоих тепло,

Мама!
Я не верю, мама, что всё прошло,
Мама!
Ты вечно в сердце у меня,
Я храню тепло твоего огня,
Не волнуйся, слышишь, за меня,
Мама!

Как часто в жизни не хватает нам тепла

Как часто в жизни не хватает нам тепла,
Порой судьбою лишены мы самых близких,
Но память матери и сердца боль отца,
Хранит незримо нас от мыслей низких.

Отец и мать и с ними старший брат,
Зачем ушли вы, надломив мои колени?
Быть может я пред вами в чём-то виноват,
Но я любил вас всех, и без сомненья.

Припев

Я люблю тебя жизнь, без конца и начала,
И хочу, чтобы ты ещё долго звучала,
Меж пространств и веков
Пусть мелькают столетья!
Лишь была бы любовь,
Только мог бы вам спеть я.

Хочу понять какую жизнь прожил бы я,
Какие б сделал в этой жизни перемены,
Какою станет в моем будущем семья,
И для чего я напрягаю вены.

И пусть горит пока ещё огонь в груди,
Огонь любви, огонь несбывшихся желаний.
Ты, память прошлого, меня обереги
От бесконечных и пустых желаний.

Леонид Киселев

Деревенька

Заблудившись меж холмами,
Побросав домишки в кучу,
Так предстала перед нами
Деревенька с ближней кручи.

Все дома, как старый ельник,
И в амбарах – тишина.
Знать хозяева – бездельники,
Им за это грош цена.

Клуб в деревне в запущении,
Школу сторожит замок.
В лужах свиньи с умилением
Охлаждают жирный бок.

Пруд загнивший глубиною
Метров восемь, говорят.
Здесь живут одной мечтою,
Что на завтра охмелят.

То ли с радости, то ль с горя,
«Тяпнул» кружку – и в кровать.
По колено сине море –
Пьют папаша, сын и мать.

Нет работы, нет доходов,
Водку хлещут каждый день.
Где берётся у народа
Пресловутый трудодень?

Для чего живут сельчане?
Каждый день, одно и то же:
Булькала бы брага в чане,
А забота их не гложет.

У людей несчастных этих
Не болит, знать, голова
Ни о внуках, ни о детях,
До всего им трын-трава...

Наши деды для потомков
Пешими в Сибирь пришли.
За плечами лишь котомки,
Топоры в руках несли.

Хутора, деревни споро
Близ речушек возвели,
Быт наладили и скоро
Уж торговлю повели.

Всё своим горбом добыли:
Бортничали, лес валили,
Золотишко в реках мыли,
Деток в Питере учили.

Худо ль, бедно ль, но в достатке,
Жили все в трудах они.
И меды, конечно, сладкие
Пили в праздничные дни.

Но повсюду знали меру,
И была им в радость жизнь.
Следуй дедову примеру –
Не сдавайся и не гнись.

Родословное

Прапрадед мой был батраком,
Но мастер – золотые руки!
Мог и пилой, и молотком,
Мог разобрать и аз, и буки.
Наверно, мог быть казаком,
С судьбой играя в диком поле,
Разбогатеть на деле том,
Но не искал он лучшей доли.

Служил у графа, мирно жил,
Пост соблюдал и разговенье,
Детей своих и женку бил
В отместку барским униженьям.
И получив свободу вдруг,
От крепостного произвола
Не радость чувствовал – испуг,
Как зарабатывать на голод?

Где жить? Чем содержать семью?
Кому пожаловаться можно?
Свободу дали, мать твою,
А что с ней делать – сказать сложно.
Ведь с ней не дали ни жилья,
Скота не предложили даром.
Кругом хозяйская земля.
Краше житьё после пожара!

Вдруг, в одночасье, стал никем,
С домашним скарбом у дороги
И с кучей тягостных проблем.
Куда направить свои ноги!?
А ноги двинулись в Сибирь,
На вольные хлеба Алтая,
Где бесхозяйственная ширь,
Поля лежат, сохи не зная.

Зверья в лесах не перечесть
И рыбные места к тому же!
Вопрос, конечно, тоже есть,
А буду ль на Алтае нужен?
Намедни сели всем гуртом,
Прикидывая, как в рулетку.
Остановились же на том –
Послать двух сыновей в разведку.

И пешим ходом две семьи
Ушли разбитою дорогой
Искать свои клочки земли
В сибирской стороне острогов.

Мало мальчиком родиться

Более пяти кило
Стать мужчиной тяжело.
Чтобы мать могла гордиться
И столица, и село,
Для начала, подрастая,
Тело тренируй и дух,
Мышцы, волю развивая,
Отрабатывай за двух.
Только так, с годами споря,
Через не могу – вперёд,
В радость нам, врагам на горе!
Мать мужчиной назовёт.

2023 г.

Галина Свириденко

Другая жизнь

В один из сентябрьских дней дочь попросила свою маму пожить у неё дома. Причиной тому явилась неожиданная поездка её семьи, да не в соседний городок, а в даль-дальнюю, сторону незнамую. Словом, через две страны – в третью.

В обязанность Лидии входило вовремя кормить их сокровище – породистую кошку. С животным отношения сложились у неё лишь к концу первого дня. И то славно. Кошка с аппетитом съедала предложенную ей пищу. Выбегая из дома, она часто возвращалась, проверяя, не окажется ли закрытой дверь и сохранится ли пища в её кухонном арсенале.

Вскоре животное успокоилось. Недоразумений не было, и её опасениям остаться одной сбыться было не суждено. В послеобеденные часы Лохмашка даже поиграла с кормилицей. Улучив момент, она выскакивала из высокой травы, когда её совсем не ожидали. При этом кошка чувствительно впивалась в ладони женщины – похоже, ей это нравилось.

Животное старательно демонстрировало новому человеку, что это её, лохмашкинская территория. Она выражала явную неприязнь к непрошенным соседским котам, сопровождая свои движения намеренными прыжками с рычанием в их сторону.

Миссия Лидии была не слишком утомительной, но всё же она вмешалась в её размеренную и налаженную жизнь. Дело оставалось за небольшим – терпеливо ждать. Звонить дочери не хотелось. По вечерам она часто присаживалась на крыльцо и слушала вечерние новости забытой, но такой предсказуемой пригородной жизни.

Кое-где вскрикивали петухи. Оседлые хозяйские собаки изредка подавали приглушенный лай, успокаивая хозяев, что в их округе всё в порядке. Но что вызывало ликование в душе Лидии, так это пение птиц. Днём оно приглушалось мирскими делами жителей и движущимся транспортом, а перед вечером наступал час, в котором пернатые просто погружались в свои междусобойчики.

Чуть позднее, к этим звукам присоединялись тайнственные пiski и уханье. Это их собратья, ночные хищники, открывали охоту на ползающую и копошащуюся по соседству дичь. В подтверждении этому Лидия ежедневно по утрам находила на крыльце трофеи, кстати, добытые и Лохмашкой. Словом, кошка эта была настоящей рысью, бросающейся на всех движущихся особей – от ящериц, змей и мышей до птиц.

В какой-то момент Лидия поняла, что жить ей с Лохмашкой придётся до «морковкиного заговенья». Она уже собралась вернуться домой, как услышала шум подъезжающей машины. Запропавшая семья вышла с баулами гостинцев из салона такси и предоставила насиженное место любимой теще-маме.

Водитель безоговорочно выслушал просьбу доставить женщину по месту назначения без всяких тревожений.

Лидия бросила взгляд на водителя. Им оказался мужчина лет пятидесяти. Спросила его, будут ли ещё заказчики по пути, на что он ответил, что уже заработал, сколько хотел. Лидия поняла одно – водитель порядком устал и поехал бы домой, но тут ему в виде непредвиденности подсадили её, и теперь придётся ещё пару часов выполнять маленькое, но ответственное поручение.

– Ничего, за ночь отдохну, – будто прочёл он её мысли. В какой-то момент, он бросил на Лидию взгляд и попросил разрешения «исповедоваться» перед ней.

– Но я не батюшка, и мы не в церкви, – растерялась женщина.

– Это ничего. Я давно искал подходящего для этой затеи человека, – задумчиво произнёс водитель, – а перед мужчиной в таком деле откровенничать, только хуже будет. Да, и по возрасту ты мне подходишь, разве не так? Мы ведь одногодки, пожалуй.

Лида молчала, и он принял это за знак согласия.

Дорога продолжалась, и хоть бы один встречный или обгоняющий лихач попался.

– О таком рейсе мечтают многие водители, – подумалось Лиде.

А он продолжал:

– Я не замучаю тебя болтовнёй, и скучно нам не будет. Если бы ты знала, каким богатым человеком я

был. А достиг всего с нуля. В 90-е годы сел на такси – и понеслось. Снабдив постепенно всю семью деньгами, в какой-то момент подрастерял смысл жизни. Я им даю деньги, много, а им всё мало. Другьям и соседям, кстати, тоже. Ох, и развелось их тогда у меня! Каждый норовил руку пожать. Тёще и той особняк построил, хорошо, прописать не успел. Сыновей устроил в университет на платное обучение, а они бросили учиться. Я об этом только через пару лет узнал. Верил, ожидал, что людьми будут. За квартирные услуги каждому тоже платил. Уж им-то в первую очередь квартиры спроворил, да и какие! Жена знала, что не учатся и не работают, а молчала. Чувствовал я, что-то не так в моём королевстве, но не торопился вникать, пока однажды сосед мне не присоветовал:

– Сегодня ты в дорогу собрался, но не уезжай, – говорит, – побудь до полночи в гостинице, а потом вернись домой за правами. У тебя же ключи есть.

Я так и сделал. Оставил машину за три квартала и открыл дом своими ключами. Лучше бы не открывал. Вошел, включил свет, а там один из друзей моих сладко поживает. Постельку греет для меня, похоже. Вскочил, опустил голову и убежал сразу. А супруга вцепилась мне в ноги и мычит:

– Бес попутал!

– И давно? – спросил.

Отодрал её от себя. Замкнул дом и ушел снова в гостиницу. Утром поехал к тёще и довёл до её сведения, что дом этот я продал сегодня. А, что до её

места жительства, – пусть к дочери вещи и мебель перевозит обратно и живут снова вместе. Не удержался и дополнил свою речь тем, что никто ей не помешает теперь там свои порядки заводить. Она онемела сразу, потом загудела, но я сказал к какому числу соседу отдать ключи от дома. Выслушивать ничего не стал. Прощаться тоже. Машины, какие были ещё, реализовал по дешёвке. Всю аппаратуру и инструменты стал распродавать, раздавать, как будто ничего и не было у меня.

Впрочем, одну машину я жене все-таки оставил. Подарил в свое время.

Она кричала, что в суд на меня подаст. А я ей ответил:

– Там и увидят, что записи в твоей трудовой датой юности заканчиваются, а больше тебе предъявить нечего. Детям я с лихвой в своё время сделал все, что смог. Вырастил. Может, армия из них сделает, что не смог. А теперь я чист. Дом остаётся тебе, живи. И не ищите меня больше. Сел на свою машину и поехал, как в сказке – куда глаза глядят. Попутчиков вёз бесплатно, какие голосовали. Все были довольны, и я сердцем отходил, начинал испытывать малые человеческие радости. На середине России купил в киоске карту и ткнул пальцем: куда улетела моя стрела.

А стрела долетела до Новосибирска. Походил я по городу этому, посмотрел и не захотел оставаться. Крупные города – это уже пройденный этап моей жизни. Остановился в глухом, маленьком. Снова гостиница и машина моя, которую сменил впослед-

ствии тоже. А смартфон я свой выбросил в урну сразу после своего отъезда, чтобы мои родные предатели достать меня не смогли.

– А что же теперь? Как дальше Ваша жизнь, сложилась? – заинтересовалась Лида.

– Сложилась. Не помер еще, но прихватывать стало, – показал он рукой на сердце – Помотавшись по приглянувшемуся региону, понял, что деревня – это не для меня. Не в радость мне теплицы и крестьянская жизнь. А нужно мне, чтобы жизнь вокруг меня крутилась и дороги не пустые были. Водитель я, и от этого не уйти. Видно, Господь меня ещё сверху на машину посадил и в люди отправил. Отвезти человека, помочь выйти, кто нуждается, на этаж поднять. А кто им ещё поможет? Молодёжь не разбежится и дерёт втридорога. Вот тут и обосновался. Не слишком пыльно и с бугров всё увидишь. Благо дороги в приличном состоянии.

– Вот ты едешь и не возмущаешься, что от курева дышать нечем. А время моё пришло. Бросил. Доктор сказал, что, если бросишь курить, то и баранку ещё покрутишь, без таблеток – что я и делаю. Но вернёмся к жизни моей. Пожил я в вашей гостинице, в посуточной стоимости её и дорогому однообразному обслуживанию. Словом, понял, что заработанные деньги приказывают долго жить.

Решил обратиться к услуге, с просьбой пригласить мне съемную квартиру с последующим вы-

купом и минимальным метражом. Она приняла к сведению, а я решил дать ей приятную частичную предоплату, чтобы прочувствовал человек, что скорая помощь требуется.

Через пару смен она предложила мне самую скорую помощь.

– Конечная остановка города. Благоустроенная трёхкомнатная квартира. Одна из них Ваша будет. Но проживание с хозяйкой. Она образованная. Порядочная. Бывший главный бухгалтер. Однако сынок у неё есть, подросток. Правда, моложе Вас будет. Опасности никакой и притязаний тоже, – на одном дыхании выпалила кастелянша.

Она бы не согласилась на подселенца, – продолжила женщина. – Но ей бывший начальник подлянку устроил. Отказалась липовый документ ему подписать, а он теперь, когда ему звонят, как последнему работодателю, рубит все её попытки устроить профессиональную жизнь.

– Увидимся, – обнадёжил я помощницу и вечером созвонился с объектом временного изменения жизни.

Зоя Ивановна, каковой оказалась моя хозяйка, приняв на слово лестную характеристику, показала приготовленную обитель и поспешила исчезнуть.

Чтобы успокоить её, я вышел ознакомиться с подсобными помещениями, попросил ключи, оградив её от излишнего беспокойства, и, не медля, оплатил срок проживания за полгода вперёд. Столько она не ожидала.

– Себе на жизнь я заработаю, а вам, Зоя Ивановна, они лишними не будут. Может ребёнку что требуется, обращайтесь.

На том и закончилось наше дружелюбное знакомство. Утром я доплатил гостиничной знакомой за конкретную помощь, не вдаваясь в подробности.

И пошла моя жизнь вновь по накатанной. Утром уезжаю, в ночь приезжаю. Зоя Ивановна сначала не понимала: зачем мне жильё при такой-то жизни, но выделила полку в холодильнике и разрешила пользоваться микроволновкой.

Я настолько не мешал им жить, что, находясь в «своей» комнате, часто сам забывал о себе. Падал после смены и засыпал. Через неделю, войдя ко мне сменить постельное бельё, хозяйка предложила сдавать одежду тоже ей в стирку. Я сказал, что у меня её почти нет.

– Прикупите пару сменок, – посоветовала она, – при вашей работе должен быть соответствующий имидж.

На следующий день я расширил гардероб, а на тумбочке вечером обнаружил прекраснейший мужской парфюм, запах которого мне понравился.

Если думаете, что за мной никто не наблюдал, отнюдь. Хлопчик её, которому шёл десятый годок, буквально поедал меня глазами вместе с машиной, но подойти боялся, пока я сам не решил показать её. Попав внутрь салона, подросток просто обомлел. Спросил разрешения всё прощупать, потрогать, уверяя, что ничего не ломает.

Я пообещал взять его в недалекий ближайший рейс на каникулах и, кажется, в его глазах стал Богом. От мамы своей он получил не разрешение, а отказ, заключающийся в том, чтобы не путался у меня под ногами. Но кто запретит мальчишке мечтать. Однажды подкараулил, когда мама отсутствовала и предложил мне украсть его, хотя бы, на час. Покататься.

– В тюрьму меня посадить хочешь? Что я тебе плохого сделал?

Дал ему шоколадку и пообещал подумать над этим вопросом, а пока подержать этот секрет в тайне от мамы. Но сам не предполагал, насколько этот мальчишка сможет вывести ситуацию из-под моего контроля.

В начале марта как-то зашла к Зое Ивановне её соседка и начала радостно тарыхтеть о том, что через полмесяца к ней приезжает племянник. И у неё появилось желание познакомить Зою с этим мальчиком. Понизив голос, она раскрыла тайну, что он до сих пор не женат.

– Очень хорошо, Мария Васильевна, но какое отношение я имею к Вашему мальчику? Знакомьте его с девушками, и будет вам счастье, – так же приглушённо ответила Зоя Ивановна.

Повертев пуговицы на своём халате, Мария Васильевна ушла со словами, что сообщит дополнительно. Вадик в этот момент находился на кухне и всё слышал. Неожиданно в сердце мальчика закричалась тревога, и он, взяв фломастер, обвёл на всякий

случай в красный кружок число – 23. Но он не смог сохранить чужую тайну и выдал мне в тот же вечер чёрное намерение старой соседки, попросил скорее придумать, как спрятать маму от приставучего племянника, от которого им с мамой ничего хорошего не будет.

– Я его помню, – делился он дальше своими мыслями. – Он очень злобный и ехидный. Бабка сама не хочет с ним жить, и нам он не нужен. Я потрепал мальчишку по плечу и сказал, чтобы успокоить:

– Увидим.

Неожиданно, я поймал себя на мысли, что как-то привык к этой семье. Никто не покушался на мою свободу, не ругался. Наоборот, всё складывалось как-то по-доброму. И вот, откуда ни возмись эта напасть.

В этот момент в квартиру вошла Зоя. Я на автомате подошёл и помог ей снять пальто. Она расширила глаза, а я, вдруг, забормотал о новой жизни и о том, что завтра её с сыном ждёт сюрприз. Она еще более удивилась, а я понимал, что мне нужно опередить это 23 число, обведённое в красный цвет.

Струдом уснул в эту ночь, впервые думая о своей хозяйке, как о привлекательной молодой женщине. Утром я встал раньше их, и не терпящим возражения голосом сказал, что сейчас мы быстренько собираемся, едем отдыхать в Белокуриху, будем там купаться в бассейне. Вадька завизжал от радости, а Зоя шире вчерашнего раскрыла глаза.

– Мама не против, – сказал Вадим по-мужски, взяв инициативу в свои руки. – И вообще, нас больше. Едем.

Мы ушли в мою комнату, оставив переваривать Зое данное предложение. Когда мы вышли из комнаты, нас ожидал наспех приготовленный завтрак. Из дома выходили довольные, все вместе, вызывая удивление встретившихся соседей. Сначала ехали молча, соображая, что же произошло.

– Да, перестаньте вы бояться, – на правах старшего заговорил, вдруг Вадька. – Ты, дядя Юра совсем не старый, и нам не страшно с тобой жить. И будет нам счастье! – громко рассмеялся маленький мужчина.

По дороге брызгала грязь, а я сидел и тупил. Как маленький человек сделал то, на что я, поживший мужчина, не смог отважиться самостоятельно?

– Я к чему всё это рассказал. На этой неделе мы пойдем в загс. Я, собственно, посоветоваться хотел. Хочу взять их фамилию. Пусть мальчишка почувствует себя сыном своего отца.

– Но, Вы, сами уже решили. А насчет того, что подумают люди, в народе есть пословица – «Пусть говорят. Зря не скажут».

Законное место

После проливных осенних дождей сентябрь сделал милость и одарил прекрасными солнечными днями. Суховатые жёлто-зелёные березы сразу пре-

вратились в золотое руно, аккуратно брошенное на все без исключения стволы – видимые и невидимые. А полное отсутствие ветра и вовсе заволакивало спокойствием.

В такие минуты просто не верится, что наступит иное явление природы, которое подарит другие эмоции и настроение. Но пока оно не наступило, Игорь Петрович шёл в отделение связи разобраться с посылкой, которая по факту ему не принадлежала. Фамилия и отчество значились его, но вот имя не дотягивало до совершенства. Смущало и то, что отправитель был абсолютно незнаком. В довершение ко всему, запись на извещении гласила – «остальное пришлю позднее». Мало того, в городе Киселевске у него отродясь не было ни знакомых, ни друзей, ни родственников.

При предъявлении им паспорта, согласно прописки, работник отделения связи, как это иногда бывает, не обратила пристального внимания на «чутельное» несоответствие имени в документе. Нескончаемая очередь, как текущая в половодье река, видно настолько её утомила, что нарушение совершилось.

Не ожидавший такого финала, Игорь Петрович решил, что видно сам не доглядел. Получив посылку, он не удивился и тому, что перечня её содержимого тоже не было. Ну, а раз посылка – это всегда сюрприз, то он в предвкушении его, принёс посылку домой. Не лишне будет сказать, что при подступающей второй молодости между супругами начали

происходить странные необъяснимые отношения. Казалось бы, ничего плохого в них не наблюдалось, однако моменты их семейной трапезы, постепенно становились какими-то зависающими и куцыми. Немногословными.

И в какой-то момент, Анна Васильевна, супруга его, позволила предположить, что у мужа, должно быть, кто-то появился, вернее появилась. Однако недоказанные вещи не делают подозреваемого виновным.

И вот тут-то, откуда ни возьмись, и случилась эта посылка. Ничего не подозревающий Игорь Петрович, в предвкушении сюрприза, разрезав край, вытащил из неё туго свёрнутый конвертик голубого цвета с кружевным пододеяльничком...

После нескольких вопросительных взглядов друг на друга, Анна Васильевна нервно спросила:

– А чего нам ожидать от следующей? Я, конечно, предполагала возможное, но не до такой же степени! А следующей посылкой будет сам младенец? Или вместе с мамой? Признавайся, Игорёк, в наличии еще одной семьи! – закончила она мысль, перешедшую в реальность. Однако, в этот момент онемел сам Игорь Петрович.

Когда к нему вернулся голос, он попробовал улыбнуться, но улыбка вышла жалкой и неуместной. Наконец, он подобрал слова, пришедшие на ум.

– Аня, это не нам посылка!

– Ясно не мне, – нервно выговорила жена, чем вызвала ещё большее удивление супруга.

– Знаешь, Игорёк, я, пожалуй, съезжу к маме на недельку, другую. А ты пока подумай – где будет стоять детская кроватка. Надеюсь, не в этой квартире.

– Не горячись! – крикнул вслед захлопнувшейся двери Игорь Петрович, соображая, чего ждать в дальнейшем.

Признаваться, что он получил и вскрыл чужую посылку, было невозможно.

– Вот, неприятности себе нажил! И зачем я эту квитанцию уничтожил? Доказывай теперь, что ты не дурак. Он и есть!

Ближе к вечеру жена появилась. Не общаясь друг с другом, они томились в неведении происходящего.

– Питаться с завтрашнего дня будешь в кафе, или забегаловке. Прикармливать чужого мужика – это грех! – выдала своё решение вчерашняя супруга. – Спать будешь на софе! Бельё стелить будешь сам! Кормить собаку тоже! – сыпала она рождающимися перлами. – И вообще, привыкай к другой жизни! Тебе предстоят иные взаимоотношения. Но не со мной!

Недолго думая, она выключила телевизор. Недолго думая, Игорь Петрович его включил.

– Это общее семейное достояние, – озвучил он свою мысль и расхохотался. – Жить будем по разным комнатам. Свои ключи есть у каждого. К следующему месяцу картина прояснится, – такими словами Игорь Петрович закончил свою мысль.

И, если с его стороны начал доноситься еле слышный храп, то Анна лежала, вытирая слёзы, переживая вероломное поведение супруга.

А в это самое время замышлялось некое злодейство племянника со своей женой. Ещё месяц назад его жена – Лизонька ездила в командировку в город Киселёвск и оттуда, по их обоюдному согласию, была отправлена невинная посылочка, имеющая конечным результатом – развод своего дядюшки с последующим выселением. Оставалось лишь намекнуть ему – сменить место жительства, уехать на севера в надежде на улучшенную будущую пенсию. Хлопнув по рукам, они и взялись за осуществление своего плана.

Проснувшись утром и выпив кофе, Игорь Петрович пошел на прогулку с верным псом. Непроизвольным взглядом он вдруг стал натекать на молодых женщин с детскими колясками. Отметил, к удивлению, что и папы молодые, весьма довольные выгуливают своих детенышей, да и мужчины постарше.

– А я с собакой хожу, – как гром среди ясного неба пронзила новорожденная мысль. – Так вот чего я оказался лишённым в своей жизни!

Идя на поводу всё более укоряющейся мысли, он захотел решать возникающие вопросы по мере их поступления.

Анна – неплохая жена. У нас ещё есть время подарить себе утраченное счастье. С этого дня, Игорь Петрович решил круто поменять жизнь. Он, вдруг,

почувствовал себя галантным рыцарем: стал помогать мамашам в поднятии колясок на этажи в своём подъезде, переводить семейства через пешеходную дорожку, чего никогда не было в его жизни. Раньше эта простая мысль не приходила ему в голову. Со стороны он стал напоминать своим поведением тимуровца. При случае стал на руках вносить детей в общественный транспорт, за тем и был замечен соседом по лестничной площадке.

– Никак отцом намерился стать? – хохотнул тот, не ведая, что попал в точку.

Шло время, и однажды Игорь Петрович пригласил свою Аннушку на экскурсию. Они всё еще продолжали жить в разных комнатах, но Анна инстинктивно стала замечать радостные перемены в соседе-муже.

– А давай, как в юности, прогуляемся, – и взял её под руку – смотри, вот садик. А в нём какие маленькие бегают!

И неожиданно лёд тронулся. Они вошли в это здание, именуемое домом детей, ждущих своих мам.

– Давай, который первый подбежит, тот и наш будет. Кроватку я уже присмотрел, где поставим.

В игровом зале, куда они вошли, малышей оказалось несколько. Все стояли и молчали. Неожиданно от детской толпы откатился комочек и указательным пальчиком уткнулся в подол Анны. «Молодожены» так и ахнули. Скоро детская кроватки обрела свое законное место...

Жениться?.. Или не жениться?..

Жениться... Или не жениться... Прожив шестнадцать лет в гражданском браке с милым сердцу мужчиной, в один прекрасный день Алевтина Семеновна озадачилась. У неё вдруг появилось стойкое желание зарегистрироваться с ним. Этот внезапный порыв посетил её ночью, когда жених сладко спал. Но ведь не мог же он проспать столь сокровенного назревающего события, касающегося не кого-нибудь, а его самого. А раз так, Алевтина Семеновна решила не откладывать свою задумку в долгий ящик. Серьезнее обычного она тронула Алексея за плечо.

– Нам нужно зарегистрироваться.

Супруг долго не хотел просыпаться, пытаясь сбросить руку с плеча, но настойчивый голос жены был неумолим.

– Где зарегистрироваться? – наконец буркнул Алексей. – И почему это нужно решать в два часа ночи?

– Ты же на работу днем уйдешь, а по телефону такие вопросы не решаются, – домогалась его Алевтина.

Понимая, что применить доходчивый русский мат здесь неудобно, он направился на кухню смочить горло.

– Чего, Алёк, не спишь, что нужно? Когда будем регистрироваться?

До Алексея, наконец, дошло, о чем идет речь.

– А в другое время если поговорить?

– Мы с этим и так тянем шестнадцать лет!

– Знаешь, у меня здесь нет такого друга, который бы пошел ко мне в свидетели, – с мягким юмором отвечивал супруг.

Алевтина Семеновна зашла в тупик.

– Но у меня же дочь, а у неё другая фамилия, она могла бы быть свидетельницей.

– Если захочет, – уточнил он, зевая.

– А где взять мужчину? – не на шутку разволновалась жена.

– Да где я тебе его возьму в два часа ночи? – уже откровенно иронизировал гражданский супруг.

– Ну, ты говорил, начальник у тебя хороший...

– А кто сказал, что он плохой? Только он не будет нас регистрировать.

– Он не захочет быть свидетелем? – озадачилась Алевтина.

– Ни свидетелем, ни участником этих событий он быть не захочет.

– Но может он тебе хоть денег выделит на подарок, – с меркантильной надеждой лоббировала свой вопрос сторона заинтересованная.

– Да слов нет! И на подарок, и на свадьбу! – уже веселился окончательно проснувшийся жених.

– Я серьезно, – продолжила Алевтина.

– А кто шутит? Митьку, одноклассника можно взять...

– Ты что, предлагаешь этого бомжа сюда пригласить?

– Зато он что угодно подпишет! – парировал супруг.

– Когда вы с ним играете в шахматы, я же специально ухожу из дома от запаха его носков!

– Зато я у него всегда выигрываю! Сама знаешь, ничья-то бывает редко.

– Вот-вот! Интересное сравнение! Ничья – редко, а я до сих пор ничья?

– Алечка, у нас же с тобой полное равноправие! Я ведь тоже ничей! Видишь, как хорошо! А то стану твоим, и Митька сюда не зайдет ни разу... Расхохотавшись, они оставили вопрос открытым.

Утром Алевтина позвонила дочери.

– Как ты смотришь, если мы с отчимом зарегистрируемся?

– А где вы свадьбу справлять будете? – последовал улыбчивый вопрос.

– Так ее не будет.

– Как это не будет, это ты, мама, пятый раз замуж выходить собралась, а дядя Леша – неженатый! Ни разу! И он имеет право быть настоящим женихом! И хотя в эти годы уже жениться не принято, но у меня соседка по бутику дня четыре назад закатила свадьбу. И ничего, а ей, кажется, шестьдесят сравнялось. Да шучу я, можешь покупать свадебное платье! Насколько я понимаю, костюма у жениха тоже нет. Я бы пошла в свидетели, но с Митькой в паре, мам, ты извини...

Радостный хохот дочери, похоже, назвал все вещи своими именами и расставил точки над «и».

Мария Пахорукова

Перипетии судьбы

Быль

*(Для тех, кому кажется,
что их жизнь не удалась...)*

Знакомство с этой женщиной, её жизнью у меня проходило поэтапно.

Когда я пришла в большой учительский коллектив, по соседству с моим кабинетом географии был её кабинет математики. Учительница, возраста моей мамы. Чувствовались не только её властность, но и какая-то стеснительность при общении. Женщина красивая, статная и одновременно измученная перипетиями жизни.

Тогда мы работали в две смены. И ученики всех параллелей обучались как-то странно. В одном и том же кабинете в первую смену мои уроки географии с 5 по 10 классы, а во вторую – ученики 3 класса занимаются. В соседнем кабинете в первую смену – начальная школа, а после обеда – математика, где и вела уроки «царицы всех наук» она – Валентина Григорьевна.

А как она знала свой предмет! Полный восторг. Так увлекалась новым материалом на уроках, что и не замечала, как пачкалась мелом с головы до ног.

Но это не мешало ей достойно давать знания по предмету.

По субботам у меня были уроки с первого в первой смене до последнего – во второй. Тогда-то из субботы в субботу в свободные минуты перемен мы с ней общались всё теснее и теснее. Разговаривали обо всём. Я касалась только школьной темы, хотя мне было любопытно её положение в коллективе, в семье. Чувствовала её силу, но, одновременно, и беззащитность перед окружающими.

Что?.. Почему?..

Мой интерес к ней усиливался ещё и тем, что после уроков второй смены к ней приходила молодая женщина, которая брала ведро с водой и начинала мыть полы в учебных кабинетах. Здание было большое, стандартное, но в советское время влажная уборка кабинетов делалась учениками. И только после учеников начальной школы – это была прерогатива техничек. Нагрузки по площади не маленькие, как, впрочем, и сейчас. А Валентина Григорьевна, проверив тетради, написав поурочные планы, начинала помогать техничке. Как потом выяснилось, это была её дочь Вера. Чем длиннее становился световой день, тем позже мать и дочь выходили с работы, отправляясь домой. Теперь я понимаю, что матери хотелось дойти до своей квартиры в темноте, чтобы меньше попадать на глаза знакомым, соседям. Эта её стеснительность перед обществом, да ещё позиция власть имущих привели к той трагедии, которая коснулась Валентины Григорьевны.

Как и многие молодые люди, влюбилась Валентина в статного, домовитого юношу. К тому времени она – молодой специалист – была направлена для работы в одну из школ казахстанского Темиртау. А там в разгаре – стройка металлургического комбината. В 1963 году на базе Карметкомбината был открыт завод-ВТУЗ (ныне Карагандинский индустриальный университет) – высшее учебное заведение, готовящее специалистов для комбината. Приехала с бо-о-ольшущим неподъёмным чемоданом, в котором...нет, не девичьи наряды, не продукты питания, а книги. Книги учителя математики...

Всё шло хорошо. Получили квартиру, достойную того времени. В семье появились дети. Сначала старший – сын. Надежда и опора, если бы не глубокий инвалид.

Как мне рассказывали, «он только лежал, ничего не понимая, не контролируя себя. Пищу принимал из рук матери». Сегодня мы знаем, что такое случается и нередко. Ирония судьбы. А тогда, пятьдесят и более лет назад, клеймо на мать и семью на всю жизнь. Окружающие понимали, сочувствовали, но не более. Пенсии, помощи от государства – никакой. У нас в СССР априори таких людей быть не должно, равно, как и инвалидов после Второй мировой. И тем более, у педагога.

Позже родилась дочка. Смышленая, вся в мать. Так утверждал муж, и в мечтах видел свою Веру учёной. Уже в детском саду она имела логическое мышление школьницы. Ну, а как же иначе. Есть в кого.

И называли-то её Вера не случайно. Вера в то, что в будущем всё будет хорошо в семье, ведь они так стараются для детей, их полноценной жизни.

Но что-то случилось, надломилось в отношениях супругов. И Валентина Григорьевна рассталась с мужем...

К моему с ней знакомству он уехал из города. И сына в то время она уже похоронила. Об этом я узнала из оброненной ею фразы на кладбище. Во все времена у нас сохранилась традиция оказывать помощь, быть рядом с коллегами во время ухода из жизни их родственников. Пока оформляли могилу мужа коллеги, Валентина Григорьевна отошла к соседнему погосту. Волею случая я оказалась рядом. А она, обречённо вздохнув, сказала:

Ну вот, теперь я не одна сюда ходить буду, а с подружкой по несчастью.

Тогда-то я увидела табличку на памятнике, и поняла, что там лежал её сын.

В разговоре с коллегами я узнала, что в семье всё было подчинено режиму жизни особенного сына. Мать запрещала дочери приводить подружек в дом, задерживаться и общаться с ними в школе. По этой же причине в доме никогда не было гостей. Дочь подавала надежды в математике, но с каждым разом мыслями всё больше уходила в себя, замыкалась. Закончив весьма успешно школу, могла бы учиться в любом вузе страны, но и здесь сказалась неизлечимая болезнь брата. Поэтому поступила во ВТУЗ, который находился в квартале от дома, Вера теперь

уже сознательно подчинила себя кроме учёбы ещё заботе о брате, помогая матери. И так изо дня в день, из года в год.

Как-то однажды дочь не вернулась домой из института. Не появилась она ни на другой день, ни через неделю, месяц, год. Все службы были подняты по тревоге. Сколько Валентина Григорьевна исходила казённых кабинетов, обращалась к знахаркам, но всё напрасно. Ею был исследован многокилометровый берег Самаркандского водохранилища, колодцы, балки и овраги. Но всё тщетно. Сначала ей помогали сестра с зятем, на машине объезжали окрестности. Спустя год они отказались от этой затеи, признав её нецелесообразной.

Надо заметить, что сын-инвалид ещё был жив и требовал постоянного ухода, а ещё уроки простого предмета – математики, с контрольными работами, экзаменами, классное руководство, за которое платили десять рублей, и от которого никого из учителей не освобождали. И откуда только силы брались у этой женщины?

Настало время, когда её сын, прожив абсолютно лежащим 23 года, покинул этот мир.

Мать в горе от потери сына, неизвестно где дочь, осталась совсем одна.

Но случилось чудо. Однажды ей позвонили из Целинограда, непостоянной по смене названий, столицы Казахстана.*

Звонили незнакомые люди уже пенсионного возраста, муж с женой. Пригласили к себе Валентину

Григорьевну, предварительно рассказав ей прямо-таки фантастическую историю.

Дело было несколько лет назад в марте месяце. Возвращались они как-то с вечерней прогулки, и заметили во дворе своего дома девушку, которая попадала им на глаза уже не раз. Подошли к ней, заговорили. Она поведала им, что возвращалась с учёбы домой. Но что-то случилось. Забыла кто она, откуда. Носить с собой документы, как сейчас, тогда не было принято. Даже имя своё не помнила. В кармане несколько копеек. А куда ей идти или ехать – не знает. Пригласили сердобольные люди её к себе домой, накормили, обогрели. Наутро обратились к участковому. Но то ли его сверхзанятость, то ли безалаберность (у нас только «На улицах разбитых фонарей» раскрывают 94% всех преступлений), только ответа добрые люди от блюстителей порядка так и не дождались. И хотя расстояние между Целиноградом и Темиртау всего 189 километров, но надо помнить, что эти два города находились в разных административных субъектах – областях. Понятно, что межобластной связи между казёнными учреждениями – ну, никакой. Так и осталась Вера у этих людей.

И спустя два-три года из какой-то радиопередачи приютившие Веру люди узнают, что их находку ищут в Темиртау. Встреча была горячей, но только со стороны матери и тех, у кого Вера жила. А сама Вера была к этому событию безучастна. Память девушки – словно чистый лист бумаги.

Вернулась мать с дочерью домой, и стала дочь учиться жить заново, вспоминать все приобретённые до этого навыки социума. Об учёбе в институте и речи быть не могло.

Вот тогда-то Веру устроили техничкой в школе, где работала её мама, для зарабатывания трудового стажа (в то время с этим было строго), а заодно, и общения с людьми. И дочь находится под присмотром матери, которой так спокойнее.

Последняя встреча с Валентиной Григорьевной и её дочерью у меня состоялась в июле 2005 года, когда я была в Темиртау в гостях. В солнечный жаркий день пришли мы с коллегами на берег Самаркандского водохранилища. Позже недалеко от нас расположилась интересная пара – две женщины, разные по возрасту, легли на коврик для загара и вели между собой негромкую беседу. А когда мы проходили мимо них – узнали, что это мать и дочь: Валентина Григорьевна и Вера. Встреча была радостной, но очень кратковременной.

Вскоре я услышала от коллеги оглушительную историю второй части жизни матери и дочери.

* * *

Нас всех время, именуемое перестройкой, так перелопатило, что об этом ещё долгие столетия будут писать и снимать фильмы. Истину никогда не узнаем, ну, а правду – крайне нескоро.

Как бы там ни было, эти события коснулись и моей героини. Во-первых, все сбережения, которые откладывала Валентина Григорьевна на счёт Веры,

для её жизни после ухода мамы, а было их к тому времени, наверное, немало, сгорели в одночасье, во время так называемой павловской реформы. Денег нет, всё надо начинать с нуля. Государство под названием СССР прекратило своё существование. У Валентины Григорьевны пенсионный возраст. Наконец-то получилось Веру признать недееспособной, и оформить ей пенсию, хоть и небольшую.

И вновь случилось чудо: на связь с матерью и дочерью вышел их муж и отец, который в то время проживал в Алтайском крае. На тот момент, как, впрочем, всё время после их расставания, он жил один. Не мог забыть свою Валюшу и детей. Имел хорошую усадьбу, дом, пенсию. Пригласил к себе в гости любимых женщин. Это было летом. Поездка была радостной, запоминающейся. Всё там понравилось, но тянуло назад. Да и глава семейства скучал по городу своей юности. За вечерним чаем мечтали, как будут гулять по улицам и проспектам Темиртау, встречать знакомых, общаться. И ни слова упрёка друг другу за прошлые годы одиночества.

Отпуск у Валентины Григорьевны заканчивался. Решили, что жена с дочкой сейчас едут домой, а хозяин осенью, после сбора урожая и продажи дома. Общались по старинке – бумажными письмами. Даже телефонные разговоры в то время были роскошью.

В последнем письме, которое пришло в начале сентября, муж писал, что дом и собранный урожай

продал удачно. Документы и деньги уже на руках. Билет домой (так и написал «домой») в кармане. Возможно, приедет раньше, чем придёт это письмо. Получили послание, поджидают хозяина, волнуются любимые женщины. А его всё нет и нет. Уже и снег покрыл землю. И тогда, пристроив дочку у сестры, Валентина Григорьевна поехала за мужем.

Много горя испытала эта женщина, но такое...

Соседи рассказали, что всё было так, как он написал в последнем письме. И деньги, и документы уже в кармане. Новые хозяева любезно предоставили ему возможность переночевать в доме, хотя он был не против, чтобы они вместе с ним провели эту ночь. Но у них было жильё, хоть и небольшое. И к тому же они хотели прежде, чем въехать в приобретённый дом, отремонтировать его.

Когда утром по договорённости новые хозяева пришли к нему за ключами, их глазам предстала страшная картина. В доме всё перевёрнуто, а бывший хозяин жестоко убит. Видно, что он боролся до последнего дыхания, но грабитель, очевидно, был не один. Деньги и документы исчезли. Бывший хозяин уже выписался с этого места жительства, равно, как из России. Когда обратились новые жильцы в милицию, им посоветовали въезжать в дом и спокойно жить. А такого человека, труп которого они нашли у себя в доме, в стране не значится. Поэтому похоронили его как бомжа под номером.

Вот и всё...

Хотя нет, не всё. Ещё добавлю.

Недавно в телефонном разговоре с коллегами узнала, что после кончины Валентины Григорьевны её дочь на проживание взяла к себе сестра матери, а позже, когда силы стали покидать и сестру, Веру определили для проживания в дом престарелых. Там она вышла замуж.

Но сейчас и Вера уже ушла из жизни к своим родным: отцу, матери и брату.

**с 1830 года – Акмола (с каз. «белая могила»);
с 1832 – Акмолинск;
с 20.03.1961 до 1992 года – Целиноград;
с 10.12.1997 – объявлен столицей Казахстана вместо
Алма-Аты;
с 06.05.1998 – переименован в Астану;
с 10.12.1997 по 05.05.1998 – Акмола;
с 06.05.1998 до 22.03.2019 – Астана (с каз. «столица»);
с 23.03.2019 до 17.09.2022 – Нур-Султан;
с 17.09.2022 – Астана*

2024 год.

Дед Семён

В нашей многочисленной родне – дальней и ближней – дед Семён – легендарная, неординарная личность.

Не зная ни одной буквы алфавита и не умея читать, знал счёт деньгам от керенок до советских – всех реформ. И даже с тенге управлялся по-заправски.

Захватил отголоски Первой мировой, участвовал в Гражданской. А Великую Отечественную прошёл с 22 июня до 9 мая. И ни одной пулевой зацепки.

– Вот свезло-то, – завистливо говорили односельчане.

– Как же, – отвечал он в 1950 году, – меня ждали жена и две дочки. И жизнь уготовила увеличить женский батальон: младшей, послевоенной сейчас уже два года. Наверное, на радостях дочка родилась. Должна быть счастливая да умная.

Стержнем в семье, как и у всех советских людей, была, конечно же, его жена Мария.

Баба Маня – дородная старуха, крупная в кости, с толстой длинной русой косой. Всегда улыбчивая, в темной юбке, как сейчас принято говорить «в пол» и светлой, в горошек кофте свободного покроя. Именно – кофте. По-иному верхнюю часть повседневной одежды женщин СССР не называли. И неизменными завершающими атрибутами туалета были головной платок и фартук, необходимый женщинам занятым хозяйством в доме, во дворе, на огороде. Фартук яркий, как в то время говорили «кержацкой расцветки», часто сшит из разных лоскутов ситца, с обязательными карманами. В тех карманах чего только не было.

Баба Маня научила своим примером мамаш в нашем околотке* тому, что в карманах её фартука всегда хранились то пряничек, то шанежка, то ранний овощ, яблочко или сухофрукт какой. Этим она могла со своими дочерьми, а позже – внуками, из

любой ситуации выйти достойно. Только увидит малыш у кого-либо из сверстников вкусность в руках, и не успеет начать просить-конючить – мама-бабушка рядом и сразу же, как по волшебству, из кармана фартука появляется что-то вкусненькое.

Когда бабу Маню дочери обряжали в последний путь в заготовленный заранее наряд, то отказались от фартука, который, как и всё прочее, был припасён хозяйкой обстоятельно и заранее, мотивируя это тем, что «мама и в этой жизни наработалась за десятерых, пусть там отдохнёт». Не знаю, как баба Маня к этому отнеслась бы?..

Сколько помню её, никогда не присядет, вся в делах, в заботах. Она даже умудрилась избавиться от камней в желчном пузыре по дороге в областную клинику. А возвращалась домой уже здоровая.

– Приступ за приступом до потери сознания, а что как объяснить не может, – рассказывала её средняя дочь Надежда, врач по специальности. Обманом уговорила я маму ехать в областную больницу между дойками коров. Договорилась с водителем нашей больницы. Едем. Время поджигает: боли усиливаются, а мама при спутанном сознании всё твердит: «Быстрее, к обеденной дойке надо успеть». А я только и думаю, всё ли наказала своим сёстрам, уезжая на тот самый печальный случай. Дорога – камень на камне, яма на яме. Маму трясёт в выдавшем виды ПАЗике. Я что-то говорю ей, подгоняю водителя. А он итак, как может ведёт свою машину.

На очередном ухабе у мамы открылась рвота. Всю наизнанку выворачивает. Благо, у меня был с собой пакет полиэтиленовый. Освободила я его и маме, чтобы не мыть автобус, подставляю. Её выполоскало дочиста. Сидит, обессилив. Водитель предложил остановить автобус, чтобы выбросить пакет. И тут меня осенило: «Нет, говорю. Везём и маму, и пакет в больницу», он странно на меня посмотрел – совсем из ума выжила дочь, но спорить не стал.

Приехали, нас там уже ждали по телефонному звонку из посёлка. На УЗИ. И тут врач меня огоршил: «А Ваша мама абсолютно здорова, только пищевод немного травмирован». А тут я показываю ему содержимое пакета. Он воскликнул: «Сколько работаю впервые встречаю такой случай, чтобы удаление камней произошло оральным способом». «Что нам делать?» – спрашиваю. А врач, улыбаясь, говорит: «Домой, ещё на обеденную дойку успеете. Пусть попьёт масло растительное с прополисом, чтобы пищевод восстановился».

Возвращаясь, мама всю дорогу усмехалась: «Надо же, даже в больнице не лежала, и никто за мной не поухаживал. Делать нечего, придётся самой идти ухаживать за своими коровками».

Много десятков лет спустя, когда у меня подобная болячка приключилась, как я завидовала такому исходу болезни у бабушки Марьи: "Вот бы и мне так – между уроками..."

Как-то в дошкольном возрасте спросила о том, когда у неё отпуск?

Ответ меня обескуражил:

— Я же не заработала не то, что отпуск, но и пенсию. До шестидесяти лет жила и работала в колхозе. А колхозный стаж не засчитывается. Муж и в колхозе был передовик, и здесь на руднике его сразу взяли на работу. И пенсию начислили, приплюсовав фронтовые годы. А меня, когда из колхоза выехали, уборщицей держали до пенсионного возраста на руднике. Вот только Брежнев велел дать пенсию нам, колхозникам, 13 рублей 32 копейки.

Рассказчицей она была удивительной. Как бы невзначай, фраза за фразой, лилась её речь и уже невозможно было отвлечься на другие мысли.

Жила Маня с отцом. Мать умерла, едва дочке исполнилось девять лет.

В школе учиться не пришлось. Уже за мать под корову садилась, у плиты стояла, да и огород был на ней, пока отец работал на лесозаготовках. А с четырнадцати лет была первой помощницей отца в лесу: топором орудовала, как заправский лесоруб. Приходилось наравне с взрослыми мужиками тягать срубленные деревья на сани – зимой, а летом – поднимать на телегу. Там и насадила свои вунтренности.

В положенное время вышла замуж за деревенского хлопца Семёна. А когда пришла пора рожать детей, то по причине этой самой «насады» первые девять беременностей выносить не могла. Лишалась потомства на седьмом месяце. Наконец, в марте 1931 года появилась на свет девочка с ласкающим слух,

но непривычным для тех мест, именем Валя. Неизвестно, как бы завершились роды после двухдневных мук роженицы, если бы не проходившая мимо бабка-повитуха. Увидев во дворе Семёна, трясущимися руками запрягавшего колхозную лошадёнку, спросила:

– Чего случилось-то, на тебе лица нет?

– Да, Маня разродиться не может второй день, не знаю, успею ли до Троеглазовки к фельдшеру довезти. Уже и дышать у неё сил нету.

Пока он запрягал, бабка зашла в избу, да вскоре оттуда и вышла со словами:

– Иди, горе-отец, принимай девчонку. Давно бы меня окликнул. Всего и делов-то – развернуть плод. Приподняла я твою Маню за ноги да встряхнула пару раз, а потом ещё и рукой поправила: ногами вперёд шла. Много в жизни ей придётся ходить, и всё неторными дорогами. Ты с ней построже будь, знать своенравной девка вырастет.

Вот так по течению родов определяли и характер, и судьбу младенца.

И редко ошибались.

Опять перерыв в десять лет. И в аккурат за неделю до начала Великой Отечественной родилась вторая дочь. Пока оправилась после родов, дошла до сельсовета в Троеглазовке, муж уже подъезжал к фронту. Вот и назвала дочку в надежде на нашу победу – Надя. А грудью её кормила до семи лет, как и многие матери того голодного времени.

В сорок пятом пришёл Семён с фронта, на удивление даже не царапнут пулей вражеской или осколком, не контужен снарядом. В пехоте прошёл от Смоленска через свою историческую родину – Украину, «побывал в гостях», как он сам говорил, у поляков, расписался на Рейхстаге. А домой привёз с того похода много впечатлений и пару грязного солдатского исподнего.

– Думала, что так и будет у меня две дочки, – продолжает своё незатейливое повествование жена деда Семёна – бабушка Марья. – А тут послевоенная радость: в декабре 1947 года отменили карточную систему, а у меня фельдшерица отменила женскую принадлежность и добавила старушечью – климакс. Живу я себе с ним. И вот он – этот самый климакс – начал подавать признаки жизни и, аккурат, через девять месяцев появился на свет.

Третью дочь называли именем русской княгини – Ольга. Удалась она и умом, и красотой, несмотря, что поскрёбыш. И брак у неё удачный. А баба Маня все годы жизни кручинилась, как бы успеть дочь вырастить. Позже хотелось внуков от младшенькой увидеть. А когда родился у Ольги первый сын – это был четвёртый внук бабы Мани, та не на шутку встревожилась его умом и рассудительностью не по годам. Сетовала в разговоре:

– Наверное, он не жилец на этом свете. Такие умные люди долго не живут...

Вырос внучёк Олеженька, получил образование, женился. Его старшая дочь ВУЗ закончила, сын до-

стиг тревожного подросткового возраста. Бабы Мани уже не было в живых. Но предсказание её сбылось: умер Олежек в неполные сорок пять, с диагнозом, который при жизни поставили медики, как в том фильме «За спичками» – «обыкновенная болезнь у него: болел, болел, да и умер...».

Незатейливость её повествования и суждения о своей жизни притягивала слушателей с первой фразы. Это от бесед с нею обогатился мой словарный запас. Говоря о человеке бескорыстном не только в своих действиях, но и помыслах, добавляла: «желанный...», но могла здесь же образумить грубого, нетактичного в выражениях человека: «какой ты нежеланный!» Это – высшая степень её ругательства. И ведь слушали охальники, побаивались её строгого слова.

А дед Семён всегда был главой семейства на том простом положении, что мужчина и решал все важные дела. Роста он был небольшого. Как и все, прошедшие войну, худощав, жилист. В чем только душа держалась. И всё пешком или на бричке**.

До последнего дня у него с женой Маней был полный двор крупного рогатого скота, поросят, птицы. За всеми осуществлял пригляд, как впрочем, всё население страны той поры. На Мане был огород и кухонное хозяйство. Родня деда Семёна рассыпалась по всему Союзу: от Восточного Казахстана до Украины.

А уж сколько однополчан проживало по всей стране!

Дед Семён считал своим долгом всех попроведать.

Прихожу я как-то домой из школы, смотрю, сумка незнакомая в коридоре стоит. Спрашиваю у сестры: «Чья это, откуда?» Она в ответ: «Дедушка Семён приехал. Знакомый его подвёз. Говорит, пока твои родители на работе, сбегая я к другу, попроведу его, а к вечеру к вам вернусь».

А друг его живёт ни много, ни мало – километрах в семи от нашей квартиры.

А дедушке в то время было уже далеко за шестьдесят.

Если у кого, не дай Бог, случалось горе, или радостное событие – свадьба, рождение детей – дед Семён приезжал первым. И всегда с подарками, гостинцами. И в делах поможет. Если надо, с детьми посидит, пока гулянка идёт. Посчастливилось мне, шестилетней крохе, присутствовать на свадьбе его старшей дочери. Я удивлялась, как он везде успевал, ненавязчиво делал замечания, подсказывал. И, казалось, не будет рядом деда Семёна – мероприятие не состоится.

Печальное событие – похороны. И здесь дед Семён первый помощник. До похорон побывает на кладбище, проверит качество выкопанной могилы, проследит за работниками траурной церемонии.

– Если дед Семён приехал, значит, всё будет в порядке, – говорили присутствующие родственники.

Такой заботливый он был человек.

А как дед Семён и баба Марья привечали младшее поколение, нас – внучатых племянниц! Как сей-

час перед глазами стоит картинка: заходим мы – студенты в их просторную ограду. А дедушка во дворе суется по хозяйству.

– О, кто к нам приехал, – сдержанно констатирует он.

И уже радостно кричит в сторону дома:

– Марья, гостей принимай! Кто-кто, племянницы-студентки приехали...

И завертелось, и закрутилось всё вокруг гостей. Откуда ни возмись, старшая дочь Валентина с детьми-подростками пришла, позже – её муж с работы и сразу к дедам. А что тут скажешь? Рабочий посёлок, всем известно, кто к кому приехал, кого провожают. Нам, городским, это было в диковинку.

Потом бесконечные расспросы: рассказы-пересказы о житье-бытье. И обязательно всё это сопровождалось делами по хозяйству, на кухне.

Хозяева знали, если я приехала, значит, обязательно попрошусь под корову и выбирали для моей дойки самую смирную, покладистую. Это был для меня самый радостный момент всей поездки.

Вечером – баня, потому что мы приезжали всегда в субботу.

А день отъезда! Опять для стариков хлопоты, да ещё какие. В летне-осенний период с огорода гостинцы несут, а зимой – банки-закатки, картошку, корнеплоды. Из сеней, где хранилось мясо поросят, бычка после убоя обязательно кусок сала, мяса и прочие вкусности упаковывались. У студентов всё металось за милую душу.

Обязательная часть гостинцев – выпечка: булки, пироги. И всё в русской печи, на поду*.

Заходит утром, бывало, старшая дочь Валентина:

– Мама, ты какие пироги затеваешь?

– Дак у меня с осердием* лучше получаются.

– Ну, тогда я на сладкие начинку готовлю.

И у меня при упоминании сладкой начинки, как и сейчас, слюноотделение обильное. Начинкой был ревень. А он от природы кислый вкус имеет.

– Да не забудь сахару поболе и сушеную черёмуху добавить, – давал наказ вслед дочери дед Семён, – студентам это полезно для учёбы.

И откуда ему, не имевшему ни одного дня образования, знать о пользе продуктов?

Любознательность, не ослабевающая с годами, делала его интересным собеседником. Внимательно слушал радио, смотрел телевизор. В разговоре знал своё место, но и не уходил в тень. К его мнению прислушивались и взрослые, и дети.

А щедрость его души была непревзойдённая.

Собираясь навестить свою старшую сестру Васеню в Черниговской области Украины, он оповестил всех родственников, собрал от них приветы, гостинцы и поехал к сестре с полными сумками. Больше месяца его не было. Жена и дочери с внуками уже волноваться начали. Наконец заходит дед Семён домой.

«Где ты, как, душа болит?» – помните, у Твардовского?

Рассказы длились дольше, чем были съедены привезённые гостинцы. Сестра Васенья передала мешок сухофруктов, именно стандартный, ёмкостью в четыре ведра:

– Сами будете компот варить, родственников угощать, и нас вспомните. Пока ехал через Москву, Саратов, Свердловск, Омск, Усть-Каменогорск, где жили однополчане, со всеми делился гостинцем, как в мультфильме – пополам. И по прибытии домой сухофруктов осталось на одну кастрюльку компота.

– Ну и что? Хотя сколько бы я привёз сухофруктов, они бы закончились. А вот воспоминания о поездке...

И действительно, с его талантом рассказчика подробности той поездки и его внуки, и правнуки помнят.

А как он в карты играл! Пульку расписать – любимое занятие в долгие выюжные зимние вечера. Благодаря своей феноменальной памяти, всегда выигрывал. Бывало, в доме нет денег на хлеб:

– Пойду, Маня, к соседям, распишу пульку, авось с прибытком вернусь.

И точно, часа через три возвращался добытчик домой, и на пару булок хлеба, да полкило пряников приносил в семейный бюджет прибавку.

Справили старики золотую свадьбу. Вернее, организовали им это мероприятие дочери. Были приглашены все родственники, друзья. Долго ещё о том веселье вспоминали присутствующие на семейном празднике.

Время катится под горку. Вот уже и к девятому десятку жизнь приближалась. Занедужила баба Марья, да и слегла. А через неделю её не стало.

Дед Семён ещё бодренько себя чувствовал. Казалось, износу ему не будет.

Но, когда случился уход из жизни его жены, старик как-то вмиг сник. Дочери заметили, как он стал заговариваться, путаться во времени и пространстве. И года не прожил после своей жены. Прилёг как-то на лежак со словами: «Пора и мне к Марье, а то она заскучала без меня: всё зовёт к себе и зовёт».

Уснул – и не проснулся.

А память о нём живёт в сердцах дочерей, внуков и всей его многочисленной родни.

январь-февраль 2022

** окружающая местность, окрестность;*

*** лёгкая повозка, запряжённая лошадьми;*

**** нижний слой горнила (топливника) русской печи, на которой выпекают хлеб;*

***** внутренности животного (печень, сердце, лёгкие), идущие в пищу;*

****** длинный выступ у печки для лежания.*

Не за страх, а за совесть

Эту историю мне поведала моя учительница. Из всех её участников никого не осталось в нашем бренном мире. И тем не менее...

Горняцкий городок, как и все другие населённые пункты СССР, отдавал своих сынов на защиту стра-

ны в годы Великой Отечественной. В городке многие мужчины имели бронь от призыва на фронт. Среди них – и отец семейства. Добросовестный, ответственный, машинист паровоза. Работал не покладая рук и сил, не за страх, а за совесть. Тягал своим паровозом-кукушкой руду на переплавку и производство оружия, которым ковали Победу на передовой. Жена его при шестерых детях дома не сидела. Как и до войны, работала в пекарне. Только с объявлением мобилизации пекарей поубавилось, и мать, оставляя детей – мал мала меньше на произвол судьбы – сутками ставила опару, вымешивала тесто и выкладывала хлеба в печь, предварительно наносив воды из ближайшего колодца. А чтобы печь пекла, необходимо было предварительно наколоть дрова, занести их в пекарню, растопить печь и следить за её готовностью. По понятным причинам работа в основном велась в ночную смену.

Домой приходила – ни рук ни ног. А там ребятки под ногами крутятся, заглядывают в глаза мамы, просят внимания.

Не всегда в доме было тепло. Лютые морозы выстужали избу. А топить приходилось только в короткие часы, пока кто-то из взрослых дома. Во избежание пожара.

Самая младшая из дочек, пятилетняя Инга, пока старшие были в школе, решила как-то порадовать маму и братьев-сестёр, пока папа в дальней поездке, протопить печь, чтобы в избе стало тепло.

Покрутилась, повертелась в поисках дров. Но их

не приносили взрослые во избежание возгорания. Открыть дверь, чтобы выйти за дровами, сил не хватило. Чурочек, бересты тоже не нашлось. Знала, что газеты были под строгим запретом.

Как-то ещё в мирное время нашла Инга огрызок карандаша, присела за стол и начала самозабвенно в газете пририсовывать какому-то дяденьке на портрете бороду, подумав, очки добавила, как у её дедушки, когда он читает. «Вот какой умный получился дяденька, и красивый», – только и успела подумать девочка, как над её головой раздался всплеск рук матери и причитания как над покойником. Здесь и папа вошёл в избу. Благо, ни сестёр, ни братьев не было дома. Только родители видели, как преобразила образ правителя страны Советов их дочь. Тогда Инга поняла, что не только нельзя что-то пририсовывать на портретах в газетах, но даже в руки их, газеты, брать – запрещено. Ей родители запретили кому-либо об этом рассказывать. Но запомнила она тот случай на всю жизнь, как и самостоятельную растопку печи в годы войны.

Долго думала-гадала, чем начать топить. Вспомнила как мама доставала сумку-ридикюль, в которой чего только не было: маленькие тоненькие книжки, бумажки. Их было очень много. «Если возьму половину на растопку, то никто не заметит», – рассудила она, укладывая семейные документы в топку печи. Так увлеклась, что не заметила, как ридикюль оказался пуст. «Мама с ночной смены первая придёт. Обрадуется!», – думала Инга.

Когда мама вернулась с работы, изба почему-то наполнилась дымом, дочка сидела на корточках перед печкой и добросовестно заталкивала в топку последние документы – папины.

Тот ужас, который случился в семье после, у Инги стёрся из детской памяти.

Но запомнила момент расставания с папой, когда он, прощаясь, поднял её, крепко прижал к себе. Из его глаз катились слёзы. Больше она у него слёзы не видела никогда.

Нет, его не расстреляли, не отправили в Гулаг. А попал он в штрафбат. Это случилось как раз после приказа «Ни шагу назад!», в ноябре 1942 года, самого тяжёлого для нашей армии.

Домой, к семье, он вернулся летом 1946 года. Прошёл в штрафбате всё горнило войны, не получив ни царапины. И до последнего дня не верил в своё чудо. Ушёл из жизни на девяностом году. Для фронтовика это было ещё одно чудо.

Никогда, ни разу Инга не слышала от своего папы рассказы про войну. И фильмы на военные сюжеты он не мог смотреть. А если звучали песни из репродуктора, выходил из комнаты.

После возвращения отца в семье родилось ещё двое: сестра и брат. И, надо отметить, все дети отличались красотой, умом и порядочностью. Повзрослев и получив образование, занимали в городе ответственные посты. А работали они, как и родители, не за страх, а за совесть.

16 июля 2022

Любовь – кольцо

Случилась эта история в далёкие шестидесятые годы прошлого столетия в моём Городке детства.

Расположенный в горной котловине южных склонов Рудного Алтая, Городок в зимнее время утопал в снегах. Да так, что сугробы достигали второго этажа.

А если снег сбрасывали с крыши, мы, дети той поры, рыли тоннели в рост человеческий. Ветра не было, а морозы доходили до 39 градусов. Так, в январе 1969 года они держались больше недели и доходили до минус 47. Однако это нам не мешало строить снежные городки, кататься с залитых водой горок.

Как раз в это самое время случилась горячая любовь у моих соседей. Он глубокой осенью вернулся домой, отслужив два года в рядах Советской Армии. Она его верно ждала, писала письма солдату, училась в педагогическом училище. К возвращению любимого заканчивала училище. Уже и подпрактику успешно прошла. Весной защита диплома – и готов молодой специалист.

Он после армии вернулся на работу в свой родной коллектив, проходчиком в забой на шахте Городка. Стоит отметить, что шахтёры в нашей местности зарабатывали по сравнению с другими профессиями запредельно много.

И наш солдатик, не откладывая в долгий ящик, делает предложение своей любимой. Всё чин по

чину, со всеми свадебными атрибутами: платье из гипюра, белые изящные туфли-лодочки чехословацкой фирмы «Цебо», фата, золотые обручальные кольца весом от 6,7 до 9,8 граммов. Как и положено, то кольцо, что тяжелее по весу, – для невесты, хотя размер его меньше. Ведь для любимой хоть сколько золота не жалко.

Отыграли свадьбу с «выкупом» невесты, хлебным караваем, плакатами в стихотворной форме, развешенными в зале столовой, снятой для этого случая на вечер.

Молодые живут – не тужат. В свободное время ходят в лыжные походы на гору Орёл, гуляют с друзьями в городском парке, мечтают, как будут сюда, в парк приводить своих детей, а потом и подрастающих внуков.

И всё бы ничего, но однажды, во время игры в снежки на аллеях парка, молодая жена так сильно взмахнула правой рукой, что с её безымянного пальчика слетело то самое обручальное кольцо – оберег семейного счастья. Кинулись искать по горячим следам. Но кольцо оставило след-углубление в снежном сугробе, а как глубоко провалилось – история об этом умалчивала. Кажется, весь снег перерыли в том месте, но домой вернулись ни с чем. Настроение – хуже некуда. На семейном совете муж клятвенно заверил, что с наступлением весны и таянием снега он, как верный хранитель семейного очага, найдёт это кольцо. И стал ходить на ту аллею, когда с женой, но чаще один.

Наступил март с его увеличением светового дня, за ним – апрель с весёлой капелью, таянием снега, появлением ручьёв и ручейков. Теперь уже каждый день, а позже и по два раза в день – по дороге на смену и со смены – муж приходил на аллею и подолгу исследовал место их зимнего веселья. Знакомые и друзья не верили в его успех, советовали с очередной зарплаты купить жене точно такое же кольцо. Она не заметит подмену и успокоится. Обручальные кольца в то время отличались только весом, размером и пробой золота. В советское время была самая ходовая – 583 проба.

Однажды, возвращаясь с работы, муж опять заглянул на ставшую уже родной парковую аллею.

– Ну, если и сегодня не найду – пойду в ювелирный магазин и куплю такое же кольцо, выдержу его в снеговой воде сутки-двое. Авось, поверит любимая, что это её, то самое кольцо. А то уже вся извелась, похудела, и глубокая морщинка на лбу пролегла. Забыл, когда и смеялась, только виновато улыбается.

Чудо случилось. В очередной раз, орудуя палочкой-рогаткой, проверяя все углубления в асфальте, он прямо-таки подцепил своим орудием спокойствие семейной жизни – обручальное кольцо жены, да так и доставил его домой пред ясные очи своей любимой.

После этого случая он, муж и хранитель семейства, всем вступающим в брак, советовал покупать своим невестам тяжёлые по весу кольца.

Тогда точно их не унесёт талой водой в море-океан, – добавлял он.

2024 г.

Если женщина любит

Быль (по воспоминаниям знакомых)

Уважаемые мужчины, если вы читаете эти строки, то не примите моё повествование как инструкцию к действию. Нет гарантии, что вы встретите такое счастье.

Мы, женщины, как и вы, мужчины, – все разные.

Милые женщины, подруги своих сильных половинок, всё написанное здесь, – это не наша с вами слабость, а скорее женская мудрость. Примите её, как инструкцию к действию.

Три женские истории, три судьбы. К счастью, семьи их сохранены, и это благодаря жёнам.

Слушая впервые их исповеди, я в силу своей зелёной молодости, максимализма, прокоммунистической воспитанности, не понимала той позиции, которую они занимали. А сегодня – восхищаюсь их мудростью и дальновидностью.

Есть много способов сохранения семьи.

Так, например, жена в семье советского периода, должна была помнить, если её муж выбивался в партайгеноссе, то он принадлежал не только членам своей партии (дословный перевод), своему на-

роду, но и отдельно взятым особям, с почти запрещённым в СССР названием «любовница».

Кто-то терпел, кто-то обращался к тяжёлой артиллерии – партком-профком, кто-то спивался.

В одной из семей такое несчастье случилось. И вопреки ожидаемому сюжету, жена всегда ждала мужа с готовым обедом на столе, ухоженными детьми, образцовым порядком в квартире. Она была уверена в том, что где бы её благоверный не гулял, он всегда вернётся туда, где тепло и уютно, где его ждут. И никогда не заводила разговоры-разборы, не переспав эту сложную семейную ситуацию, помня, что «утро вечера мудренее». Это я от неё услышала: «В любом семейном скандале виноваты оба».

Прошли годы. И как-то, в минуту откровения, моя коллега признаётся, как она безмерно любит своего мужа. К чести обоих хочу отметить, что, возможно, он ей изменял, но она не знала об этом, а только чувствовала, а может и знала, но даже в такой душевной беседе со мной, умолчала. Муж – военный, сокол ясный, жена тоже не последнего десятка. Но что было, то было.

Из её рассказа: «Когда мой любимый задерживается долго на работе, у меня слёзы комом в горле. Я включаю песню А. Пугачёвой «Сирена», ложусь на диван вниз головой и плачу в таком положении, чтобы слёзы не оставили дорожки на моём лице. Вдруг муж зайдёт, он должен меня видеть приветливую и улыбчивую всегда, и не подозревать о моих тревогах». Это можно перечитать два-три раза, подумать,

как тяжело не только в этом сознаваться, но и пережить и сохранить достоинство своё и своей семьи.

Ещё одна семейная пара, где муж – красавчик, каких поискать. Работая в женском коллективе, не был обделён вниманием.

А жена... А что жена? Таких искать не надо – их просто нет в природе. Но именно благодаря её умению цементировать семейные отношения, прятать обиды на дорогого в дальний сундучок и никогда о них не вспоминать, их брачный союз перевалил за полтинник.

Бабушка ей с малых лет приговаривала: «Пойдёшь замуж, запомни такую мудрость – Бачили очи шо бралы, а теперь хушь повылазьте, а з^ишти»...

Много жизненных коллизий случается на пути человеческом. Честь и хвала тем семейным парам, которые смогли сохранить свои отношения, передав их детям и внукам.

P.S. Сегодня, уже разменяв седьмой десяток, отмечу: как бы одинокие люди не петушились, а доживать век одному тяжело и страшно. Моя соседка-веселушка, оставшись одна, говорит: «Даже поскубиться* не с кем».

*(здесь) – зацепиться языком для выяснения отношений (из словарного лексикона соседки); "поскубиться" – в хорватском языке есть похожее слово: сукоб – ссора

2022 г.

Мария Образцова

Всё начинается с любви

Солнце шло на закат. Его летние лучи, днём обжигающие и коварные, вечером становились ласковыми и тёплыми. Всё успокаивалось, приобретало степенность и монотонность, даже пыль на дороге уже так не раздражала.

Зина сидела на крыльце и смотрела на небо, на котором не было ни облачка.

– Сейчас мама позовёт поливать огород. И когда этот дождь пойдёт? – думала она, грустно вздыхая.

С улицы слышался шум и пьяный голос соседа дяди Вити:

– Нелька, ты, где есть! Где тебя носит, беспутная баба?

Тетя Неля, красивая, добрая и всегда работающая, мама Зининой подруги Клавы. Часто, они с маленькой Катей, которой всего три года, прибегали к ним прятаться от разбушевавшегося отца. К соседям он не приходил – стеснялся Зининого дедушку, который учил его в школе. Когда дед с ним разговаривал, он, потупив взор, смотрел в землю, как нашкодивший ученик, постоянно обещающий, что это больше не повторится.

Зина очень жалела подругу. Они учились обе во втором классе, ходили вместе в школу. Зину пора-

жало многое из жизни Клавы, в своём доме она такого не знала никогда. Любая покупка всегда была праздником – независимо от того, кому она была сделана – купили маме платье, или бабушке новый платок. Никогда её не звали Зинкой и не повышали голос. Мама, бывало, говорила строго и холодным тоном, когда Зина начинала чудить сверх меры – и всё становилось ясным.

Когда она в пять лет развела под крыльцом костер, то собралась вся семья и все по очереди рассказывали, как это страшно остаться без дома, а ей жить в детском доме. А потом папа, который работал лесником, учил её разжигать костер в лесу так, чтобы ничего не загорелось. Эти уроки Зина освоила крепко, а ещё и научила подругу, как обкапывать костер, а потом засыпать землёй. При упрямом Зинином характере, когда её невозможно было убедить, на помощь всегда приходила бабушка, которая была биологом и много занималась цветами. Зина даже не могла понять, как это бабушке удаётся повернуть её в другую сторону. Прочитав, что на планете много войн и гибнут дети, Зина несколько дней ходила в обдумывании происходящего. А потом пошла к подруге:

– Клава, мы пойдём защищать от злых бандитов хороших людей, – сказала она, не терпящим возражения голосом и стала копить сухари.

Про это «грандиозное» мероприятие узнала бабушка, она поддержала внучкину идею, но сказала, что им прежде надо научиться бинтовать, накладыва-

вать шины, ставить уколы, познать другие премудрости – очень необходимые на войне.

Фантазия Зины была без границ. Своим друзьям, она поведала, что изобрела станок, который печатает открытки с готовым текстом. Принесла из дома много разных открыток, у неё же бабушка с дедушкой были учителя и их поздравляли с праздниками ученики.

Все Зинины друзья ещё не умели читать и потому, выстроились в очередь за волшебными открытками, которые опускали в почтовый ящик, сказав, кто должен получить.

На следующий день открытки принесла почтальонка к ним домой, попросив провести с «инициатором идеи» соответствующую беседу.

Бабушка, покачав головой, сказала:

– Надо же, что придумала! Наверно, будет писателем-фантастом.

И вот в этот уютный Зинин мир, вписывался грустный и совсем ненормальный уклад её доброй, любимой подруги.

Месяц назад Клава рассказала, задыхаясь от неутешной обиды и обливаясь слезами, что отец нашёл платье, которое мама себе купила на деньги, накопленные с большим трудом. Он всё платье изрубил топором, крича маме всякие обидные слова. А когда она решила заступиться за маму, то её так ударил, что, упав, Клава разбила руку.

Зина не могла представить, что у них в доме ходит кто-то пьяный, как не могла увидеть в своём во-

ображении нормальным человеком папу Клавы. Ей так хотелось чем-то помочь своей подруге, но она не знала как.

– Слушай, давай пойдём в милицию и всё расскажем: как он бьёт твою маму и вас стегает ремнём, – предложила она, горячо веря, что это будет правильно.

– Нет, нет! Не надо! Мама писала заявление, его вызывали, а теперь он постоянно маме об этом напоминает и стал ещё злее.

И вот сейчас она услышала сначала бранные слова пьяного дяди Вити, а потом дикий крик Клавы. Она так никогда не кричала, будто раненый маленький зверёк.

Зина, не раздумывая, кинулась туда, к своей подруге на помощь. Когда она забежала в ограду, то увидела шокирующую картину. На земле лежала вся в крови тётя Неля, а рядом широко расставив ноги, стоял её муж с черенком от вил в руках. Крик Клавы был так страшен, что к дому бежали соседи. Кто-то вызвал милицию.

Дяде Вите дали год тюрьмы. Тетю Нелю через месяц выписали из больницы, с большим шрамом на голове.

А ещё через месяц они уехали, оставив в сердце Зины добрую и грустную память.

Клава написала одно письмо, в котором рассказала, что у них всё хорошо, но обратного адреса не было. Видно, тетя Неля побоялась, что об их местонахождении узнает муж.

Александр Кобзев

Отрывки из повести «Безмолвие»

Глава 4. Немая птица

Я миновал последние дома, разулся и стал босыми ногами на песок. С наслаждением.

«Мой друг, мой брат, отправимся в погоню
за приключениями –
босиком:
ведь это лучшая ладья на свете!»

Это такой ритуал: плетёнки – в рюкзачок, босые ноги прикасаются к нагретой дороге. И – мой друг, мой брат... раньше я читал сие стихотворение Леоны де Грейффа полностью. Теперь – лишь четыре строки. Потому что!

От посёлка можно пройти намного ближе – по тропке, сначала вдоль дороги, потом тропа взмывает вверх, а там – рукой подать. Но я решил сделать крюк и направился к водопаду.

Иду не торопясь, останавливаюсь часто. Хорошо вокруг! Сосны, сосны... Любимые с детства сосны.

Как здорово, что не остался в городе! Иначе перспективы: стать книжным червячком, милым тиранчиком... С растущим брюшком крепнет решимость драться за диктаторское кресло... Преуспеть в под-

халимстве – по-другому глухую оборону хозяев мира не пробить! Студентки-первокурсницы шушукаются за спиной, старшекурсницы презируют, называют крысой поганой. А Жанна непременно научила бы обращаться со студентами, как с дармовой... Ах, опять...

Прибавляю в гору шаг, продираюсь сквозь густящие заросли кустарника, чтобы меньше места глупым мыслям оставлять.

Но по бездорожью, чрез цепкий кустарник, много не пробежишь. Останавливаюсь в предчувствии чего-то нового. Хоть и запыхался, с усладой впитываю манящую глубину горных ландшафтов. Зелёный шёпот сосен, гул шмеля, многогласие птичьих аккордов... «Эй! Я пою!» – Хочу крикнуть на всю округу, но голос покажется диким диссонансом в гармонии небес.

Заставляю себя пройти мимо первых маслят – пусть подрастут. Справа – серая скала, по трещинам бадан, как небрежный орнамент. Бегом на солнечный пригорок. И внезапность небесного простора после отвесных скал!

Достаю книгу из почти пустого рюкзака и удобно располагаюсь под одинокой сосной. Тоже ритуал: половину пути отмечать чтением лучших стихов:

«Бабочка света,
красота ускользает,
едва прикоснусь к её розе...»

Я оторвал взор от страницы и увидел... Бабоч-

ка села на босую ногу. Всего-то простая крапивница. Но бабочка расправила крылья; на них оказался необычной яркости рисунок! Что, биолог-зубрилка! Впервые видишь?

Бабочка отдыхает... Или желает поведать неведомое чудо? Бабочка вспорхнула и доверчиво-близко села на раскрытую книгу. Разноцветные крылышки затрепетали от радости. Я боялся пошевелиться, чтобы ненароком не спугнуть.

– Из какого мира, волшебница, пожаловала? Этот мир погряз в суете. Но в наших силах сделать мир прекрасным!

Бабочка утвердительно распахнула таинственный узор, закрыв начало стихотворения.

– Ничего, я знаю наизусть.

Я читал стихотворение по памяти, посматривая на весточку, а, может, вестницу иного мира:

«И гонюсь я за ней, ослепший...

И то там, то здесь настигаю...»

Бабочка улетела, оставив на память невесомое очарование.

Я лежал среди травы, наблюдая за облачком, пока оно не растворилось в вышине. Достал тетрадку с набросками. Наткнулся на сказочку о птице. Эту сказку я начал писать больше месяца назад. Но после краткого вдохновения работа застопорилась. Вот и сейчас я несколько раз перечитал начало, и хоть бы одна мысль возникла... Наоборот – желание вычёркивать и исправлять.

... Почему-то некоторые люди уверены, что птицы поют специально ради людей, – я зачеркнул фразу и стал размышлять, как назвать птицу. Ничего не придумал, оставил прочерк и стал читать дальше. – Её купили в зоомагазине, чтобы она услаждала слух праздных посетителей кафе. Но птица всегда молчала, как может молчать лишь камень бездыханный.

– Вернуть назад! В магазин! – взвизгнула хозяйка кафе.

Хозяин был категоричен:

– Чего мелочиться? Свернуть голову – и дело с концом!

– Давайте, просто выпустим её, – попросила дочь хозяев, которой тоже не было дела до несчастной птицы, но всё же в девушке сохранилась жалость.

На улице не холодно, но заканчивался октябрь...

Так птица оказалась поздней осенью на улице.

Она непременно должна спастись. Но как? Лететь на юг? Поздно! Снова в клетку? Только так можно остаться в живых в стужу. А если...

Я хотел написать, как после встречи с прекрасным птичьим принцем она запоёт чудесную песню, но закрыл тетрадку и растворился в птичьих трелях, стрекоте кузнечиков и знойных ароматах трав. В ритм природе я негромко напевал:

«Мальчик искал свой голос,
спрятанный принцем-кузнечиком.
Мальчик искал свой голос
в росных цветочных венчиках...»

Это стихотворение – обо мне – и почудилось так явственно, что я оглянулся – кто бы мог сказать...

... Среди звонких струй и певучих берёз, среди ровных сосен – только там!

– Что – там? – слух спросил я и испугался своего голоса в этом царстве кузнечиков и птиц.

Никто не отозвался, но я знал, что непременно туда – к водопаду! К непрерывному плеску падающей воды.

Ручей был совсем небольшим, не больше метра шириной. Если пройти по каменистому дну – в редких местах вода дойдет до колен.

Я направился туда, где вода каскадом с высоты устремляется на камни. Я хотел принять на грудь прохладную воду ручья, собирающего дань с горных родников и цветущих трав.

Вода низвергалась с высоты лишь трёх с половиной метров. Но, растекаясь по скользким чёрно-серым камням, ее широкие каскады чуточку походили на те водопадища, что живут в памяти с детских лет. Водопады были частью моей жизни. Сначала яркие фотки в книгах и журналах. Я рассматривал картинки и не просто видел эти водопады мысленным взором – я видел себя стоящим в струях падающих громад воды после удушливой сырости тропических джунглей.

Потом, когда с родителями-геологами мы переезжали в очередной горный район, это были пусть небольшие, но настоящие перекаты и водопады.

Жанна (ах, опять некстати вспомнил её!), зная об этих детских впечатлениях, эксплуатировала мою слабость к диким пейзажам и высочайшим вершинам, вплетая свой образ в видеозаписи пошлых аутогенных тренировок, всяких релаксаций и сладчайшей музыки. Она лепила над моей кроватью фотографии; на каждой непременно она, окружённая тропическими островами, пейзажами и водопадами (всего-то доморощенный фотошоп). Теперь эти ассоциации приходилось не очень-то успешно изживать. Я прямо-таки должен учиться видеть мир по-новому: водопады и леса, люди и события должны восприниматься как-то иначе. Не как средство к пропитанию и удовлетворению нужд, не средство «культурного отдыха», тем более не пища для удовлетворения страстей.

Пока я решал, как нужно относиться к красоте и как отрешиться от всяческих наслоений, сквозь переплетения ветвей в водопадных струях я увидел девушку в ситцевом платье. Платье было выцветшим и старомодным, иначе и быть не может, других нарядов в жизни просто не бывает. А мир совершенно свободен от пошлости, грубости и тщеславия.

Освещённая солнцем девушка стояла там, где вода выковала себе углубление и во все стороны фонтаном расплёскивала брызги из кипящего круглого озера.

Покрытый мхом скальный выступ был похож на мордочку бурундука. Девушка тоже заметила забавного каменного зверька. Она с весёлым смехом стала

плескать веером брызг на смешливого бурундука. У неё не всегда получалось, и непослушные брызги осыпали её лицо.

Тогда она черпала ладошками воду и разбрасывала искристые брызги во все стороны. Порой незнакомка подбрасывала рассыпающуюся влагу вверх и подставляла под каскад капель чистое лицо. Мокрое платье прилипло к телу. Она смеялась так непринуждённо и звонко – не так, как обычно смеются люди. Необычный смех, и сама как-то чудно очутилась под этим водопадом.

Я захотел, чтобы она меня заметила, и наступил на сухую сосновую ветку. Оглушительный треск заставил вздрогнуть даже меня. Она... будто ничего не произошло, продолжала разбрызгивать воду... может, и впрямь – ничего не произошло, никого нет, и просто юношеская мечта оживила чувства, знакомые лишь детям?

Девушка увидела меня лишь, когда я подошёл к самому водопаду. Казалось, она не удивилась нашей встрече, хотя это произошло в десяти километрах от посёлка.

Я говорил с этим виденьем, я произносил чудные слова и не ждал ответа. Я ни за что не вспомню этих слов и, наверное, никогда больше не смогу так сказать... Было хорошо смотреть, как она улыбается в ответ.

– Даже со мною случилось чудо, – и вновь решил, что это слишком осязаемая, но всё же мечта – безмолвная, бесплотная, но прекрасная.

Когда она пошла в мою сторону, я увидел, что она заметно хромала. Но она ничего не говорила! Не знаю, сколько я стоял, но нельзя же просто стоять и молчать?

Я пошёл по тропинке к озеру – куда же ещё идти? – чтобы показать ей отражение неба в зеркальной глади. Девушка просто шла за мною доверчиво-близко, ничего не спрашивая. Я так был поглощён сказкой о чудном виденье, что остановился лишь, когда продолжительное молчание сделалось источником вопросов.

Глупец, неужели не ясно: она не слышит. Я пытался спросить, где её дом родной, ждут ли родители. Куда она направляется, почему идёт за мною. Идти больше десятка километров по бездорожью – как это объяснить? Я достал из рюкзака карандаш и тетрадь для черновиков. Но первую фразу сформулировать никак не получалось. Всё это были «вопросы в лоб». Это – как первое знакомство. У одних наготове десятки фраз и масса анекдотов, а у меня – пустота... Так это и есть первое знакомство. Только ситуация всё же иная.

Наконец, я вывел в тетради: «Я не ожидал тебя встретить в этой глуши», – и подумал, что так говорят обычно тем, кого уже давно знают. Хотел зачеркнуть, но она уже писала ответ: «А я ждала тебя!»

Наваждение какое-то! Или это женское кокетство, манипуляция мужской волей, или... «Я вправду тебя ждала!» – написала она, заметив недоумение.

«Откуда ты узнала, что я приду?» – и снова собрался зачёркивать непонятно откуда взявшуюся глупость, но она взяла ручку и начала писать, перечеркивать свои аккуратные буквочки, снова писать. Она выводила буквы быстро, но старательно, как первоклассница. И даже выражение лица было таким, будто она писала сочинение на тему «Мои любимые лакомства». Потом отдала мне тетрадь и посмотрела на меня так, будто перед ней обрыв, и она через миг будет прыгать, и то непонятное выражение испуга, восторга ли запылало на её лице.

Я решил отложить все расспросы и смотрел на неё просто как на чудо, внезапно возникшее предо мною. Без имени, возраста и иных ненужных анкетных данных. Рядом с восторженным немим чудом ничто не имеет значения.

Так мы шли по тропинке среди сосен, мне не было дела, куда мы идём, зачем... Просто шли, было тепло и радостно. Я стал читать по памяти самые любимые стихотворения, и мне казалось, что ничего в жизни не нужно. Вспомнил, что она не слышит, огорчился. Но глаза её выражали столько счастья, что я даже был рад, что её радость совсем не зависит от сотрясений воздуха, называемых звуками.

Иногда она шла по тропинке впереди меня; я любовался её распущенными волосами, и даже той весьма заметной хромотой, что вызывает ассоциации с уродством, но я на это смотрел как-то просто – так и должно быть. Когда она шла позади меня, я часто оглядывался, украдкой оценивая её лицо.

И вдруг понял, что для меня это – испытание: смогу ли я распутать клубок противоречивых чувств и понять, наконец, что слишком много случайностей произошло в один день. Я не выдержал и решил поделиться с ней поэзией, что переполняла меня.

Я написал в тетрадке четверостишие:

Сделал бы я из голоса
Колечко необычайное,
Мог бы я в это колечко
Спрятать свое молчание...

и показал ей. Потом подумал, что глухонемые не могут читать поэзию так, как обычные люди.

Интересно, как она воспринимает рифму? Лишь как странное совпадение нескольких последних букв в соседних строчках?.. Тогда наиболее красивыми с точки зрения безмолвия будут стихи, где полностью повторяются соседние строчки... Или поэтическое произведение для них не более чем обычный газетный текст с возвышенным содержанием? Или... Какими глупостями я забиваю голову... Её мир безмолвия, возможно, намного чище и мудрее?..

Мы остановились на солнечной полянке. Я вспомнил, что у меня с собой несколько пирожков. Я успел проголодаться. А она, наверное, сегодня совсем не ела? Я подал пакет с пирогами, а сам смотрел, возьмёт ли – так до сих пор верил в её бесплотность и был почти уверен, что она может обходиться без завтрака и обеда. Или, как Дюймовочка, довольствоваться маковым зёрнышком.

Она действительно была голодна. Я решил не смущать её и стал смотреть на чистое небо. Теперь я был спокоен – это простая деревенская девушка, а не привидение.

Потом мы шли по тропке над рекой. Она послушно шла за мною, как доверчивый ребёнок за своим отцом, полностью вверяя мне на крутых склонах нежную ладошку.

А вдруг бы я оказался коварным разбойником? Или бесстыдным искусителем... – а не таким ли я порой бываю, несмотря на робость и наивность, в мечтах?

Но она шла. И я умилялся, что она доверилась мне – спесивому эгоисту.

Примечание. Цитируются стихотворения:

Леон де Грейфф. «Малый марш», перевод С.Гончаренко

*Хуан Рамон Хименес. «Бабочка света...», перевод
А.Гелескула*

*Федерико Гарсиа Лорка. «Немой мальчик», перевод
М.Самаева*

Глава 6

... прилипшее к телу мокрое платье... мокрое от брызг... искристых брызг тысяч чистых родников, ниспадающих с высокого обрыва на маленькие ладошки и мокрое платье... Нет, платье сухое. Вот оно – аккуратно висит на спинке стула в комнате! Неужели вчерашнее – правда?! И чудо случается даже в моей жизни?

Но ничего не произошло! Просто по теории вероятностей временами пересекаются пути... Порой это приводит к катастрофе. В редкие драгоценные секунды – ... Я стал размышлять, к чему может привести вчерашняя встреча. К чему? – Да что я, собственно, придаю значение мимолётной встрече: просто случайно встретились: здравствуй, до свидания. Даже слова сказать не можем – писать приходится.

Чтобы ещё раз проверить, правда ли произошедшее вчера, я прошёл в комнату..., а иначе почему бы я спал на диване? И увидел чудо... Из-под одеяла виднелась миленькая мордашка, светлые волосы рассыпались по подушке. Вчера лицо показалась каким-то неприметным – из тех, что не запоминаются и с первого, и с третьего раза. Но сейчас я стоял и любовался им. И старался дышать тихо-тихо – чтобы не испугнуть девичий сон про аленький цветочек и страшное чудовище: из-под подушки выглядывал уголок книги...

Я привык вставать рано – в шесть часов, после утренней молитвы обычно приступал к своим обязанностям, чтобы после обеда со спокойной совестью пойти на озеро, искупаться, посидеть с удочкой. Но вот – захотелось поделиться радостью.

Я никогда не брался за грязную работу – никто и не просил. Сегодня зашёл в загон для коров, где Степан вычищал навоз, и взял совковую лопату.

– Стоит ли мараться?

Я непременно решил поговорить со Степаном. О чём? – Как разговор польётся. Эти люди могут гово-

рить естественно, как вода в ручье струится.

Заговорил он о любви – о чём ещё говорить?! – как познакомился с женой.

– Я был весьма честолюбивым молодым человеком. Думал о научных открытиях, о величайшей мировой славе. Хотел построить универсальную модель вселенной.

– Не может быть!... – только и мог я воскликнуть от неожиданности.

– Хотел соединить термодинамику и биологическую теорию в единой модели жизни.

– И – получилось? – я стусевался, потому что если бы получилось, то он бы не был здесь, рядом со мною. Стал бы нобелевским лауреатом – не меньше.

– Получилось – и потому я здесь!

– А... как же известность, премии?

– Моя премия здесь – среди прекрасных гор. Моя жена – только она оценила мой труд. Я воспринимал её старомодной и самой серенькой на нашем курсе. Нет, она была очень милой девушкой, она и сейчас красавица. Но я замечал только звёздно-подиумную, прущую изо всех щелей расфуфыренность. А красота Валентины... родная, что ли? Это как смотреть на небо – и не замечать. Но когда меня отчислили за злостную неуспеваемость по идеологическим дисциплинам, она перевелась на заочное отделение и без ропота терпела невзгоды и переезды.

– Разве в девяностые могли отчислить за идеологию?

– За идеологию – нет. За несданные зачёты по

той же идеологии, например, политэкономии коммунизма – отчислили. Позже я восстановился на заочном, получил диплом... Да это неинтересно, банально и скучно. Главное, что я получил – душевный покой.

Мы закончили работу и вышли в огород. Где узорными вихрами красовались ухоженные грядки. А в семи ульях вовсю гудела жизнь.

На небе ни единого облачка. Солнце вот-вот выглянет из-за гор. Я всегда с томлением ждал этого момента.

– Сколько лет смотрю на небо, на горы. Наверное, вечно буду смотреть на эту красоту, будто в первый раз. Слушай дальше. После свадьбы у меня появилась острая неудовлетворённость – я с трудом понимал Валентину, мне казалось, что она ничем не отличается от любой другой девушки. Я – с моими чудовищными притязаниями – ожидал не меньше, чем принцессу плюс домохозяйку, да ещё актрису-певицу-танцовщицу со всеми дарованиями. Но моя же так называемая универсальная модель вселенной убедила меня, что именно так в моей жизни должно было произойти – никак не иначе.

Степан молчал так долго, что я не выдержал.

– Что за модель такая? – я не сумел скрыть нетерпеливость хищника, почуявшего долгожданную добычу.

– Ничего особенного. В физике, биологии ты разбираешься. Священное Писание читаешь, великих каппадокийцев знаешь. Две тысячи лет назад всё

было ясно сказано. Только немного по-другому, не нашими мудрёными словами.

Степан деликатно не расспрашивал о вчерашнем происшествии. Я в мыслях благодарил его за это. Я слушал его рассказ, удивлялся, сам мыслями был дома. Представил, как девушка проснулась, удивилась... Она непременно удивилась! Мне уже не терпелось прервать разговор и побежать в дом, где похолостячки разбросаны вещи, но чисто. Где теперь поселилось чудо. А вдруг на один лишь день?!...

Я извинился и собрался бежать домой. Вдруг захотелось поделиться радостью. Я бессвязно стал рассказывать о вчерашних событиях.

– Завтрак готов, прошу к столу! – это Валентина, как обычно, приглашала на трапезу. – Гостью зови!

Я резко оборвал сумбурное повествование, сказал про неотложные дела, что мы придём чуть позже. И убежал.

Я зашёл в дом. Девушка по-хозяйски переставила некоторые вещи, стулья, по-своему заправила кровать – так её научили заправлять дома? – и уже варила завтрак.

Книги тоже были расставлены в особом порядке. Возможно, именно так и стоило их расставлять. Лишь отдельной стопкой лежали «книги со сказками».

Увидев меня, девушка смутилась и покраснела. У неё вдруг проснулся такой стыд, что она краснела от мимолётного взгляда... Я и сам испытывал жуткое неудобство.

«Я пойду», – написала она на маленьком клочке бумаги.

«Куда? К водопаду?»

Она не отвечала, лишь умоляюще смотрела на меня.

Но я не смогу жить один! – так за один день вжился в роль заботливого брата, что уже не представлял себя одиноким Бармалеем. Я выхватил из рук девушки карандаш и крупными буквами торопливо написал: «НЕТ! НЕТ! НЕТ!», чем вызвал новую вспышку стыда.

Нет?! Бабушка – неродная... А если её ждут родители? Но спросить не было сил. Я обязательно сегодня дам ей сказку о прекрасной принцессе и семи богатырях! Непременно!

Я пригласил её завтракать к Степану.

Девушка вызвалась помочь Валентине накрыть стол.

Мы со Степаном ходили между ульев:

– Как девушку зовут?

– Прасковья.

– Параскева, Параша... Прекраснейшее имя. Жаль, что из-за нашей антикультурности оно звучит несколько... Помню, ещё мальчишкой... был у нас сосед, полжизни по тюрьмам... Всё время приговаривал: щас парашу у меня чистить будешь. Однажды я с ним всерьёз повздорил, хоть и было мне лет двенадцать. Он, как всегда, про парашу. Не знаю, чем бы всё закончилось, да он в очередной раз за решёт-

ку угодил по пьяни. Там, говорят, и закончил жизнь. Параскева... Счастлива она, что такое прекрасное имя благодаря глухоте воспринимает именно так, как и следует принимать русскую духовную культуру – без тюремно-извращённых наслоений.

– Представляешь, даже имя её узнал лишь вечером. Плохая привычка, но я решил поменьше расспрашивать. Не люблю надоедать излишним любопытством. Легкомысленно решаю за людей: если нужно – сами расскажут.

– Многие держат горести внутри. Смотришь на человека – благополучен. А осведомись о жизни, столько проблем да несчастий у каждого.

– Сам понимаю. Да вот... Из-за этого вполне заслуженно снискал славу чёрствого человека.

– Так уж и чёрствого... Не казни себя.

– Да-да, именно так. Ещё в универе меня называли сухарём, за глаза, правда. Но я об этом знал. И роптал на однокурсников.

Прасковья ела мало. Я видел: ей неловко. Чужая компания, да и обстоятельства появления здесь её смущали: где видано, чтобы скромная девушка заявила в дом к незнакомому мужчине?

– Представляете, всё было, как по сценарию, – начал я рассказ об удивительном знакомстве.

Хронологией вчерашнего дня я решил развеять неловкость. Чтобы не смущать девушку, я старался делать вид, что говорю о разных пустяках.

Она неведомым образом почувствовала, что она

– героиня моих повествований. Но не затворилась от того. Напротив, словно расцвела. Она взяла карандаш и крупно написала: «Всё так и было!»

Я заподозрил, что её глухота – притворство. Но вспомнил, что глухонемые понимают речь по губам.

После завтрака Прасковья подошла к Валентине и протянула записку. Всего два слова: «Вам помочь?» Женщина улыбнулась и кивнула. «Поможешь мыть посуду? Если захочешь, вместе будем полоть грядки...»

Видели бы вы, с какой радостью девушка обняла Валентину.

Валентина дала ей для работы спортивную одежду, которую одевала невестка, приезжая на каникулы. Прасковья побежала в дом переодеваться. Когда она вышла, я залюбовался. Спортивные брючки и футболка, чуть выцветшие на солнце, подчёркивали милое лицо, талию и... хромоту. Но что такое телесное увечье?! Мне казалось, что я воочию вижу незамутнённую внешним миром душу девушки.

Я побежал заниматься своими делами, чтобы сохранить восхитительное впечатление.

Глава 7. Второй день

Когда вернулся домой, Прасковья с Валентиной ещё работали в огороде. Издалека казалось, что давнишние знакомые непринуждённо болтают. Но я точно знал, что это только кажется.

Я зашёл в дом. Из-за полутора десятков километров по горам разыгрался аппетит. Обед, сваренный утром, стоял в холодильнике.

Я не хотел садиться за стол один. Поэтому взял гитару и стал играть.

Я часто играл на гитаре в одиночестве. Если не играл, то непременно звучала самая лучшая музыка: симфонии Феликса Мендельсона, ноктюрны и баллады Шопена, фортепианные концерты Сергея Рахманинова.

Зашла Прасковья. Хотелось поделиться с кем-то музыкой, я даже забыл, что она не слышит, взял гитару и заиграл «Гранаду» Альбениса. Девушка остановилась и, казалось, внимает. Лишь немного отрешённое лицо заставило вспомнить, что я единственный слушатель. Поэтому перестал играть и встал.

Из-за невозможности преподнести свои таланты я первый раз с момента встречи испытал разочарование. Но это же привело к открытию: в других людях я всегда искал оценки моих достижений, восторженного отношения к своей личности. Лишь для этого я ИСПОЛЬЗОВАЛ других людей. ДРУГОЙ нужен, чтобы оценивать, восторгаться, превозносить! Кого? – МЕНЯ! Для этого годятся и свои таланты, а если таковых нет, то чьи-то мысли, чья-то музыка, чьи-то стихи, поданные под видом – это же я нашёл, я открыл, я увидел, я вычитал, и в этом – моя заслуга! Даже с Жанной, несмотря на несходство характеров и несовместимость вкусов, я смог дружить

целых два года благодаря тому, что она умела восхищаться моими действительными ли, кажущимися ли талантами.

Зато рядом с глухой девушкой я смогу просто петь, или писать на бумажке самые звучные стихи, не беспокоясь, что красоты звучания затмят глубину или, напротив, приземлённость смысла. Играть на гитаре виртуозную пьесу, не ожидая восторженных аплодисментов, не извиняясь при неизбежных ошибках.

Девушка взяла со стола фотографию парочки огненно-рыжих оленей.

«Очень редкие олени. Во всём мире их, вероятно, осталось всего четыре. Живут они в нашем заповеднике. Эти двое совсем молодые. Их зовут Рыжик и Лисичка. Лисичка, когда родилась, была такой махонькой и рыженькой, как лисичка».

Параскева вопросительно посмотрела на меня.

«Завтра мы сможем их посмотреть. Это недалеко. Я за ними присматриваю. Ты их даже покормишь».

Зашла Валентина и пригласила Прасковью в баню:

– Степан баньку истопил. Пока не слишком жарко, мы с Прасковьей помоемся да попаримся. Это вы со Степаном любители жары. Вы уж после нас.

Прасковья быстро собралась. Я снабдил девушку новым махровым полотенцем с яркими цветами, специально для гостей берёг.

Как-то само собой повелось, что баню мы со Степаном топим по очереди. Банька жаркая, лучше любой сауны. А если пару поддать!

Через часок слышался звонкий смех, и в дом забежала раскрасневшаяся Прасковья в халатике.

Чтобы не смущать девушку, я сразу пошёл в баню, где меня уже ждал Степан. После трудового дня мы сидели в сауне и вели философские разговоры. Я не мог удержаться, чтобы не рассказать о переполнявших меня чувствах.

– Сказать честно? Меня устраивает, что девушка глухая. Я никогда не был мастаком вести светские беседы. А уж светское пустословие меня особенно раздражало. Бывало, в компании ровесников сижу и молчу, слушаю. И мне неловко, и моим собеседникам неудобно. Это именно то, что называют натянутым молчанием. Пытаюсь порой вспомнить, о чём так глубокомысленно беседовали... Да ни о чём! О новых кумирах в эстраде, о сплетнях в тусовках звёзд, о новых компьютерных играх, принципиально в них не играю. Попробовал заготовить специально для таких случаев несколько дежурных историй о кумирах. Однажды рассказал – самого чуть не стошнило от отвращения! А записки не располагают к пустословию. Параскева, кстати, общается со мною стихами. Совершенно незнакомыми мне. Подзреваю, она сама их сочиняет.

– Сочиняет? Безмолвие рождает лучшую поэзию. Саша, ты получил в дар то, что можно назвать благодатным безмолвием. Я понимаю, о чем ты го-

воришь. Тишина в соединении с молитвой и размышлениями – то, что я получил после исключения из университета, после того, как мы с Валентиной переехали в эти благодатные места. Валентина мудрая женщина. Она сразу поняла, что пустословие надо навсегда оставить за дверью. Мы тоже иногда говорим о милых пустяках, но это именно то, что делает нашу жизнь по-детски простой и мудрой!

После ужина я пригласил Прасковью погулять. Был удивительно тёплый вечер. После дневной жары да жаркой бани мы наслаждались невесомым дуновением тёплого ветерка.

Было удивительно хорошо идти и молчать. Или говорить любые пустяки, не беспокоясь, что кто-то покрутит пальцем у виска, как это бывало во время вечерних прогулок с Жанной... под оскал луны.

«В тёплые ночи я сплю на чердаке», – написал я на бумажке, когда мы зашли в дом. Я не хотел смущать девушку; ещё раз показал записку и, не дождавшись ответа, взял спальный мешок и быстро вышел на веранду, чтобы по лестнице подняться на чердак.

В раскрытое чердачное окно заглядывала луна, освещая свежие связки лекарственных трав. Я лежал на спальнике и трогал оставшиеся с прошлого года берёзовые веники. Нос немного щекотала травяная пылинка. Я с наслаждением вслушивался в шелест сухих листьев, треск стеблей и думал: так бы сутки слушать, двое... всю жизнь... Но слушать не одному. За один день стало необходимостью сознавать, что кто-то ещё слушает ночное пение птиц и потрески-

вание стебельков, постеленных под голову. Но она – не слышит. Она не слышит, как я играю на гитаре, не слышит прекрасные рифмы, которыми мы обменялись на тетрадных листках. Не слышит потрескивание стебельков под головой. Но она слышит безмолвие, сама того не понимая. Мне бы так...

Я замер, чтобы ни малейший треск не нарушал ночного безмолвия. Я хотел услышать то, что слышит она. Но пели ночные птицы, скворчали сверчки. Как передать музыку гор и ручьёв, не огорчая её тем, что она сама никогда не услышит дивную музыку лесного многоголосия.

*Примечание. Повесть не завершена. Более полный вариант повести опубликован на сайте Проза.ру:
<https://proza.ru/avtor/aakobzew&book=17#17>*

Надежда Ленская

В твоих ладонях

(посвящается мужу Владимиру)

Моя любовь бежала по траве
Девчонкой босоногою и смуглой
Назло годам, назло людской молве
К твоим рукам, к твоим губам, как к чуду.

В твоих ладонях, словно в колыбели,
Прильнув к душе, усну я, как всегда,
И сниться будут мне небесные качели
И только ты и я, и в вышине – звезда.

Осенний вечер

(посвящается мужу)

Я хотела тебя попросить
уделить мне немного вниманья.
Я хотела тебя удивить,
наливая в бокалы признание.

Холод осени знаем вдвоём —
печь растопим сухими дровами.
Мои руки, желанным огнём,
ты своими согреешь руками.

Ветер веткой стучится в окно,
будто просит ночлега странник,
В этот вечер не ждём никого —
для двоих лишь осенний праздник.

Плыви по звезде

(сыну С.Лобоцкому)

Какие слова найти для тебя,
моя ветка лозы?
Как душу твою мне обнять
во время грозы?

Лампада мерцает в ночи
пред иконой во мгле.
Молитва моя пребывает
с тобой на Земле.

Поверь, в этой жизни
ничто не пройдёт без следа.
Мой мальчик, поведай, скажи
где та звезда?

Зажглась и горит в небесах...,
лишь длань протяни.
Твой жизни корабль на всех парусах
и всё впереди!

Навстречу открытиям новым –
не бойся ветров!
Будь мудрым, прислушайся к сердцу,
услышь его зов!

В путь добрый! Плыви по звезде!
молись, мальчик мой.
Верь, Бог не оставит в беде –
мы под Его рукой.

2010 г.

Романс «Когда ты вернёшься ко мне»

(сыну)

Когда ты вернёшься ко мне,
Тебя ни о чём не спрошу,
Тебе ничего не скажу,
Когда ты вернёшься ко мне.

Когда ты вернёшься ко мне,
Я руки к тебе протяну,
Я молча тебя обниму,
Когда ты вернёшься ко мне.
Когда ты вернёшься ко мне,
Я просто тебе улыбнусь,
В глаза твои окунусь,
Когда ты вернёшься ко мне.

Когда ты вернёшься ко мне
Я в них покаянье прочту,
Поверим вместе в мечту,
Когда ты вернёшься ко мне.

Когда ты вернёшься ко мне,
С опущено низко главой,
Помолимся вместе с тобой,
Когда ты вернёшься ко мне.

Когда ты вернёшься ко мне,
Вдруг лёгким покажется крест,
Услышу с небес благовест,
Когда ты вернёшься ко мне.

Храни вас Бог

(посвящается родителям)

Как много в жизни есть у нас дорог
На выбор, по душе любому,
Но всех дороже лишь одна из них,
Та, что ведёт к родному дому.

Где спится сладко, сны не тяжелы,
Где обретаешь радость и покой,
Где нас всегда поймут и не осудят,
Благословят родительской рукой.

Простите нас за то, что редко пишем,
За наши редкие звонки.
Храни вас Бог, любимые, родные,
Единственные наши, старики!

Мы шли по жизни как того желали,
Порой, невольно обижая вас.
О, сколько вы ночей не досыпали,
Всё думая и думая о нас...

А мы тогда совсем не замечали,
И всё из-за земной сей суеты.
Как часто вы молитвами спасали
Детей своих и внуков от беды.

А если выпадали вдруг печали,
Вы их делили с нами пополам.
В какие б мы не уезжали дали,
Душой всегда мы возвращались к вам.

Ещё прожить подольше дай вам, Боже!
И пусть не говорят – «года на склон...»
Ведь никого на свете нет дороже.
Примите от детей своих поклон.

Оглавление

Предисловие	3
Татьяна Чанчибаева	4
Валерия Тюхтенева	7
Елена Мансурова	19
Галина Кашкина	27
Ольга Ельдекова (Истомина)	30
Георгий Черных	38
Светлана Костина	47
Людмила Гришка	61
Евгений Ямшитов	68
Оксана Хлопотова	72
Любовь Семенцова	96
Борис Семенцов	99
Надежда Кетрарь	111
Евгения Вунш	114
Зинаида Бузырева	115
Александр Дударев	116
Леонид Киселев	119
Галина Свириденко	124
Мария Пахорукова	143
Мария Образцова	174
Александр Кобзев	178
Надежда Ленская	201

Майминское литературное объединение «ЛиРа»
Республика Алтай, г. Горно-Алтайск
e-mail: olga_2160@mail.ru

Редакционный совет: **Л.В.Кравцова,**
О.М.Ельдекова

Вёрстка: **А.А.Кобзев**

Дизайн: **О.М.Ельдекова (Истомина),**
А.А.Кобзев

